С. БУЛИЧЪ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ЧАСТЬ I. СПБ. 1893.

Е. БУДДЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета
1894.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета

Деканъ *Д Бѣляевъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1225
53

С. БУЛИЧЪ.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ЧАСТЬ I. СПБ. 1893.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ г. Буличъ предлагаетъ вниманію читателей довольно объемистое сочиненіе (II+406 стр.), распадающееся на слѣдующіе отдѣлы: введеніе (1—56 стр.): о процессѣ заимствованія въ языкѣ; глава I (57—129 стр.): обзоръ литературы вопроса; и глава II (130—406): церковно-славянскій языкъ. Послѣднія страницы (399—406) посвящены общему заключенію, выведенному изъ всей работы. Не вдаваясь въ подробный разборъ „Введенія“ и I-ой главы, какъ той части труда, которая насъ интересуетъ менѣе, чѣмъ глава II-ая, мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями по поводу отдѣльныхъ мѣстъ „Введенія“ и I-ой главы и нѣсколько долѣе остановимся на II-ой главѣ, какъ на самой большой и самой главной въ трудѣ г. Булича, причемъ своему болѣе или менѣе подробному разбору интересующей насъ главы предпошлемъ нѣсколько соображеній и замѣчаній общаго характера, имѣющихъ методологическое значеніе.

На стр. 23 „Введенія“ мы читаемъ у автора, что „звукъ *γ* въ независимомъ положеніи первично чуждъ русскому языку“, и потому авторъ считаетъ всѣ слова, въ которыхъ встрѣчается звукъ *γ* въ указанномъ положеніи, заимствованными изъ церковно-славянскаго языка, полагая, что заднеязычный звонкій спирантъ *γ* имѣется только въ такихъ природныхъ русскихъ словахъ, какъ: *когда*, *всегда*, *иногда* и имъ подобныхъ. При этомъ замѣтимъ, что на стр. 136 опять у автора признается общерусскимъ звукомъ только звукъ *g*, но не *γ*. Позволяемъ себѣ усумниться въ справедливости только что

приведеннаго мнѣнія автора о звукахъ *g* и *γ* въ виду фактовъ самого русскаго языка, противорѣчащихъ мнѣнію автора. Дѣло въ томъ, что звукъ *γ*, т. е. задненебный звонкій фрикативный, (у автора: „заднеязычный звонкій спирантъ“) несомнѣнно былъ извѣстенъ не только въ общеславянскую эпоху какъ всему общеславянскому языку, такъ и въ его діалектахъ, но перешелъ и въ прарусскій языкъ, между прочимъ, именно, въ независимомъ положеніи и долженъ быть допущенъ въ русскомъ праязыкѣ на основаніи свидѣтельства отдѣльныхъ нарѣчій современнаго русскаго языка. Такъ, не діалектическое общеславянское *γ* являлось въ формахъ род. падежа ед. числа типа *toγo* или *dobraeγo*, какъ указалъ намъ проф. Ф. Ѳ. Фортунатовъ [1]), по мнѣнію котораго различная судьба индоевропейскаго i̯ въ положеніи между гласными, передъ неударяемой и ударяемой гласной, объясняется только при предположеніи, что въ томъ и другомъ случаѣ бывшее нѣкогда i̯ перешло въ *придыханіе*, которое, утратившись совсѣмъ передъ неударяемой гласной, перешло еще въ общеславянскомъ языкѣ въ *γ* передъ гласной ударяемой (по крайней мѣрѣ, передъ твердой). На такое *γ* указываютъ согласно нѣкоторыя нарѣчія русскаго языка, въ томъ числѣ и литературное нарѣчіе. гдѣ такому *γ* соотвѣтствуетъ звукъ *в*, и кашубское нарѣчіе, въ которомъ мы имѣемъ тоже *v* въ указанныхъ случаяхъ, между тѣмъ какъ ни въ кашубскомъ, ни въ литературномъ русскомъ нарѣчіяхъ не является *v* въ соотвѣтствіи съ несомнѣннымъ общеславянскомъ *g*. Кромѣ того, на діалектическое *γ* въ общеславянскомъ языкѣ указываютъ чешскій и верхнелужицкій языки, гдѣ мы имѣемъ: noha, а не noga и т. п. На діалектическое же общеславянское *γ* указываютъ намъ примѣры съ начальнымъ o̯, передъ которымъ еще въ діалектахъ общеславянскаго языка являлось *γ*: при польскомъ gąsieniса, сербскомъ гусјеница мы имѣемъ въ польскомъ же wąsieniса, wąsionka и стрсл. жсѣница при гжсѣница. Что касается русскаго языка, то присутствіе звука *γ* во всемъ южно-великорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіи, а также во всемъ малорусскомъ нарѣчіи несомнѣнно доказываетъ собой присутствіе этого звука и въ прарусскомъ языкѣ. По указанію Коло-

[1]) Фортунатовъ. Лекціи по фонетикѣ старосл языка Печатное изданіе. Стр. 94—95. 112—113

сова [1]), даже въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи „мѣстами и въ очень немногихъ словахъ произносятъ *γ*". Въ литературномъ-же русскомъ языкѣ, кромѣ приводимыхъ обыкновенно словъ, въ которыхъ звукъ *γ*. дѣйствительно, кажется, обязанъ южно-русскому произношенію и его вліянію, можно слышать слова: ноготь, коготь, дѣготь, легокъ, мягокъ со звукомъ *γ*, а не *g* [2]). Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ соображеній и указаній отдѣльныхъ нарѣчій русскаго языка, едвали позволительно отрицать въ немъ первичность звука *γ* въ независимомъ положеніи его для самой отдаленной даже эпохи русскаго языка.

Если мы имѣемъ: въ древне-русскомъ гусѣница и гусиница (Ипат. лѣт по фотолитогр. изд Столб. 122a и 123b.), въ современномъ великорусскомъ-гусеница, малор *γ*усеныця и *γ*усільныця, съ одной стороны, и также въ млр. имѣемъ: вусільныця и усільныця, усінныця,—съ другой, то, конечно, мы должны вывести для прарусской эпохи формы: **γ*usѣnica и *usѣnica. И точно такъ-же для какого нибудь слова: гора, иго, другу и проч мы должны будемъ еще въ прарусскомъ языкѣ предположить двоякія формы: *gora и **γ*ora, *igo и *i*γ*o, *drugu и *dru*γ*u и проч Авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду или не желаетъ и знать, что, кромѣ малорусскаго языка, у насъ во всемъ бѣлор. и южно-великорусскомъ нарѣчіи существуетъ, какъ правило, въ народномъ произношеніи звукъ *γ* при всякомъ положеніи послѣдняго. Такъ, авторъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего дальнѣйшаго изложенія опять намекаетъ на то, что звукъ *γ* отсутствуетъ „въ произношеніи большинства" (стр. 76). Неясно, говорится-ли здѣсь про большинство литературно образованныхъ людей, или про языкъ народный. Если въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда составлена была разбираемая авторомъ въ I-ой главѣ академическая грамматика (1802 г.), незнакомство съ народными говорами русскаго языка исходило изъ принципіальныхъ соображеній, имѣвшихъ мѣсто среди нашихъ ученыхъ кружковъ, и потому составляло, такъ сказать, признакъ времени, то въ настоящее время такое незнакомство съ живыми народными говорами для ученаго лингви-

[1]) Колосовъ. Замѣтки о языкѣ.. Отчетъ 4-й Стр. 16.

[2]) Брандтъ. Лекціи по истор. грам русск. языка. М. 1892 Стр. 112.

ста просто непозволительно. Надо замѣтить, что слова, приводимыя авторомъ на стр. 76 изъ академической грамматики, въ ювр. народномъ произношеніи и въ блр. имѣли бы во всѣхъ случаяхъ звукъ *у*. Мы можемъ указать на ряз. *урадъ*, *урадскій* вм. градъ, градскій и др., въ которыхъ звукъ *у* въ одинаковомъ положеніи, какъ и въ словѣ *глава*, приводимомъ авторомъ изъ академической грамматики, или какъ и въ словѣ *глась*, которое приводится авторомъ на стр. 92 Такъ же точно авторъ не отдѣляетъ и на стр. 92, въ разсужденіи по поводу грамматики Востокова, произношеніе литературное отъ народнаго русскаго. Что̀ можно сказать о литературномъ русскомъ языкѣ, то не во всѣхъ случаяхъ имѣетъ значеніе и для народнаго языка; здѣсь желательно бы было строгое разграниченіе въ ученомъ изслѣдованіи.

Теперь переходимъ къ другому пункту разсужденія автора. Въ виду сопоставленія авторомъ терминовъ „старославянскій“ и „церковнославянскій“ (стр. 26) раньше, чѣмъ дается опредѣленіе послѣдняго термина, и излагается то значеніе, въ которомъ авторъ употребляетъ этотъ послѣдній терминъ (см. стр. 130), слѣдовало бы сначала познакомить читателя съ тѣмъ смысломъ слова „церковнославянскій“, который ему придаетъ авторъ совершенно условно. Надо замѣтить, что названіе „церковнославянскій“ придавалось, хотя нѣсколько неточно, и до сихъ поръ отчасти придается, тому языку, на который были переведены св. книги Кирилломъ и Меѳодіемъ съ греческаго, и который болѣе точно обыкновенно называютъ „старославянскимъ“ или „древне-церковнославянскимъ“. Между тѣмъ у нашего автора мы встрѣчаемъ это названіе („церковнославянскій“) только по отношенію къ языку старопечатныхъ русскихъ богослужебныхъ книгъ и такихъ-же книгъ новой печати; это опредѣленіе дано авторомъ на стр. 130, а раньше этого, начиная съ 26 страницы, напр., на стр. 47, 83, 86, 88 и др., мы встрѣчаемся съ этимъ словомъ, не зная, какой смыслъ придаетъ ему авторъ; это тѣмъ болѣе вводитъ читателя въ нѣкоторое недоумѣніе, что въ примѣчаніи на стр. 98 авторъ говоритъ: „Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ („церковнославянскій“) старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются“. И здѣсь же указано мѣсто въ *дальнѣйшемъ* изложеніи (гл. II. § 1), гдѣ эти понятія *впервые* опредѣляются. На страницахъ же 79 и 82 терминъ

„церковнославянскій“ самимъ авторомъ замѣненъ терминомъ „старославянскій“, а потому для читателя недостаточно яснымъ представляется то, случайная-ли замѣна терминовъ на выше указанныхъ страницахъ, или авторъ сдѣлалъ эту замѣну съ намѣреніемъ Такое недостаточно осторожное употребленіе терминовъ. тѣмъ болѣе, когда одному изъ нихъ придается спеціальное значеніе въ новомъ трудѣ, можетъ повести къ недоразумѣніямъ и даже къ ошибкамъ самого автора. Такъ, на стр. 26 мы читаемъ: „Въ словахъ: среда, древесный, прибрежный и т д. встрѣчаемъ слогъ—ре—(стсл и цсл —рѣ)“.. Въ данномъ случаѣ положительно ошибочно, по нашему мнѣнію, приписывать сочетаніе звуковъ—рѣ—въ словахъ типа *среда*, *древо* и проч. языку печатныхъ богослужебныхъ русскихъ книгъ, языку XVI—XVII столѣтія, языку „церковнославянскому“. Здѣсь уже можетъ быть поднятъ вопросъ не только о неосмотрительномъ употребленіи терминовъ, но и о правильности представленій автора относительно языка книгъ, подвергнутыхъ имъ изслѣдованію. Намъ еще придется коснуться ниже вопроса о томъ, какъ, судя по сочиненію, авторъ представляетъ себѣ отношеніе языка печатныхъ книгъ XVI—XVII ст. къ современному имъ живому языку русскаго народа; вопросъ этотъ крайне важный, и, по нашему мнѣнію, онъ недостаточно выясненъ въ главнѣйшей и обширнѣйшей части разбираемаго труда, а между тѣмъ, именно, отъ того обстоятельства, правильно-ли освѣщенъ этотъ вопросъ въ ученомъ трудѣ, правильно-ли представляетъ себѣ самъ авторъ указанное отношеніе между живымъ языкомъ и языкомъ книгъ, въ значительной степени зависитъ, по нашему мнѣнію, цѣнность результатовъ самого изслѣдованія. Возвращаясь послѣ этого, сдѣланнаго мимоходомъ, замѣчанія къ вопросу о звуковомъ сочетаніи—рѣ,—приписываемомъ церковнославянскому языку въ разбираемомъ трудѣ, мы должны указать автору на тотъ глубоко-интересный и важный фактъ въ исторіи звуковъ русскаго языка, что ѣ старославянскаго языка вошло въ русскую письменность и какъ *знакъ*, и какъ *звукъ* въ произношеніи древнихъ грамотниковъ и духовенства; это ѣ въ самыхъ раннихъ лѣтахъ исторіи нашего языка уже отличалось отъ того звука, который былъ природнымъ русскимъ звукомъ, соотвѣтствовавшимъ старославянскому, южнославянскому, ѣ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Это отли-

чіе засвидѣтельствовано памятниками старославянской и русской письменности Далѣе, ѣ старославянское явилось въ южнославянскомъ языкѣ священныхъ книгъ на русской почвѣ не только въ тѣхъ словахъ, произношеніе которыхъ могъ русскій человѣкъ провѣрить на своемъ собственномъ, но и въ такихъ словахъ, произношеніе которыхъ не могло быть провѣрено за неимѣніемъ такихъ словъ въ русскомъ языкѣ Къ словамъ послѣдняго рода и относятся тѣ слова, въ которыхъ старославянскій языкъ имѣлъ звуковое сочетаніе —рѣ—между согласными; вмѣсто этихъ словъ въ русскомъ языкѣ были, какъ извѣстно, слова съ звуковымъ сочетаніемъ —ере—: срѣда— середа (Разумѣемъ, именно, тѣ случаи, въ которыхъ являлось соотвѣтствіе стрсл —рѣ—русскимъ „полногласнымъ“ формамъ). Уже въ XI вѣкѣ, вѣроятно, выработалось особое, литературное, или церковное произношеніе такого ѣ, и это произношеніе, конечно, отличалось отъ произношенія народнаго въ чисторусскихъ словахъ. Какъ болѣе точно опредѣлить это произношеніе церковнаго ѣ, подходило-ли оно ближе къ узкому закрытому *е* (*е*^{1}), напоминающему произношеніе русскаго звука *е* для русскаго человѣка, или оно довольно рѣзко отличалось отъ русскаго *е*,—вопросъ въ данномъ случаѣ для насъ несущественный, важно особенно то, что съ XI-го вѣка мы наблюдаемъ въ древне-русскихъ памятникахъ (и церковныхъ, и свѣтскихъ болѣе позднихъ), именно, въ словахъ указаннаго типа, въ словахъ, не поддававшихся провѣркѣ на родномъ произношеніи, замѣну начертанія ѣ начертаніемъ *е* Это дастъ намъ нѣкоторое право сближать произношеніе церковнаго ѣ съ русскимъ произношеніемъ звука *е*, и для насъ является несомнѣннымъ, что въ нынѣшнемъ *литературномъ* (а частью и въ народномъ) русскомъ языкѣ полное отождествленіе въ произношеніи звуковъ ѣ и е въ значительной мѣрѣ (если не вполнѣ) обязано русско церковному произношенію древняго ѣ близко къ русскому е. На этой почвѣ, на почвѣ стараго литературнаго языка и произношенія, несомнѣнно, легче всего и естественнѣе всего могло, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, совершиться звуковое совпаденіе ѣ и е. Однако нельзя сказать, какъ это дѣлаетъ авторъ на стр. 142, чтобы полное совпаденіе звуковъ ѣ и е совершилось *во всемъ* современномъ намъ русскомъ языкѣ: если это справедливо по отношенію къ литературному русскому языку, то никакъ

нельзя того же сказать о языкѣ народномъ во всѣхъ частяхъ его употребленія: наблюденія надъ живымъ произношеніемъ русскаго народа показали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ сохраняются слабые намеки на древнее различіе въ звуковомъ отношеніи русскаго ѣ и *е*; такъ, А А. Шахматовъ указываетъ на особую закрытость произношенія ѣ въ Олонецкомъ краю; я слышалъ подобное произношеніе звука ѣ отъ нѣкоторыхъ касимовцевъ въ Рязанской губерніи, наконецъ, нѣкоторые малорусскіе говоры тоже краснорѣчиво указываютъ на особое произношеніе звука ѣ, возстановляемое въ его древнѣйшемъ видѣ при посредствѣ памятниковъ древнерусской письменности. Не приводя примѣровъ изъ др. р. памятниковъ, указывающихъ на произношеніе—ре,—ане—рѣ,—въ словахъ извѣстнаго типа, такъ какъ эти примѣры въ достаточномъ количествѣ собраны въ трудахъ Ягича [1]), Шахматова [2]), Соболевскаго, мы ограничимся только примѣрами изъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ, языкъ которыхъ подвергъ тщательному изслѣдованію г. Буличъ. Такъ, въ Острожской Библіи мы имѣемъ: посредѣ, древо, времена̀, пресмыка̀ющимися, чре́сла (Буслаевъ. Ист. Хр. 211, 212, 213). Въ Новой Библіи точно такъ-же: посредѣ—Быт. I, 6; древо—Быт. I. 12; времена̀—ib I, 14; пресмыка̀ющимися—ib. I, 26 и мн. друг Да и самъ авторъ на стр. 142—143 своего изслѣдованія говоритъ то же самое; тѣмъ удивительнѣе у него читать на стр 26 о церковнославянскомъ—рѣ.—Мы разсмотрѣли нѣсколько подробнѣе вопросъ о ѣ и е здѣсь, чтобы не возвращаться къ нему въ дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ онъ имѣетъ отношеніе и къ другимъ мѣстамъ въ изслѣдованіи г Булича. Точно такъ-же вызываетъ нѣкоторое возраженіе и то мѣсто въ изслѣдованіи нашего автора, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что слова среда и проч попали въ русскій языкъ изъ „церковнославянскаго“ (на той же 26 стр.) Несомнѣнно, что эти слова попали въ русскій языкъ изъ *старославянскаго*, а современное произношеніе ихъ основано на произношеніи этихъ словъ въ старомъ литературномъ, или церковномъ языкѣ. Здѣсь опять необходимо было бы позна-

[1]) Ягичъ. Критич. замѣтки по исторіи р. языка. Спб 1889. Стр. 42—45.

[2]) Шахматовъ. О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в passim. А также Archiv f. sl. Ph VII.

комить читателя съ тѣмъ, какъ авторъ представляетъ себѣ старославянскій элементъ въ этихъ и подобныхъ словахъ, и что̀ принадлежитъ въ нихъ искусственному книжному или церковному произношенію, развившемуся въ русской церковной практикѣ уже *послѣ* заимствованія этихъ словъ изъ старославянскаго живого языка. При такой или подобной постановкѣ вопроса, кажется намъ, мы бы могли яснѣе представить себѣ, куда ведетъ насъ авторъ своимъ изслѣдованіемъ языка печатныхъ книгъ; тѣмъ болѣе, что по заглавію книги, какъ увидимъ ниже, никакъ нельзя догадаться читателю, что сочиненіе будетъ посвящено исключительно изслѣдованію языка трехъ печатныхъ библій, безъ всякаго разсужденія о томъ, какъ понимаетъ авторъ взаимныя отношенія языка этихъ книгъ къ языку живому и къ его историческому прошлому. Оставляя пока въ сторонѣ различныя неточности, а также нѣкоторыя соображенія автора, вызывающія въ читателѣ сомнѣнія, я перехожу къ I-й главѣ изслѣдованія, посвященной обзору литературы вопроса, собравъ мелкія замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ и соображеній автора въ особую часть въ концѣ настоящей рецензіи.

I-ая глава представляетъ намъ довольно полный и обстоятельный разборъ сочиненій по грамматикѣ русскаго языка въ связи съ церковнославянскимъ, напечатанныхъ за время отъ 1696 года (въ Оксфордѣ) до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. на пространствѣ почти 200 лѣтъ; здѣсь разсмотрѣны изданія не только русскія, но и заграничныя. Глава занимаетъ около 100 страницъ (съ 57-ой по 130 страницу). Здѣсь мы находимъ замѣчанія автора о грамматикѣ Лудольфа (1696 г), Фриша (Берлинъ 1727 г.), о трудахъ Тредьяковскаго по языку (1730 г.), Ададурова (1731), Грѐнинга (Стокгольмъ 1750 г.), Ломоносова (1755 г), Россійской Академіи (1802 и 1822 г.), о трудахъ Орнатовскаго (Харьковъ 1810), Тимковскаго (Харьковъ 1811), Фатера (Лейпцигъ 1808, 1814), Пухмайера (Прага 1820 г.), Греча (Спб. 1827, 1830), Востокова (Спб. 1831, 1833), Калайдовича (Москва 1834), Максимовича (1838 г 1839. Кіевъ), Буслаева (Москва 1844 г.), Каткова (Москва 1845), Аксакова (Москва 1846 г.), Срезневскаго (Спб. 1850); наконецъ разсмотрѣны здѣсь болѣе поздніе труды Буслаева, какъ его „Историческая грамматика“ (М. 1858—1875), и въ концѣ приведена цѣликомъ 8-ая глава изъ „Подробной программы

лекцій въ 1876—1877 учебномъ году“ извѣстнаго лингвиста, бывшаго казанскаго профессора, Бодуэна-де-Куртенэ. (Казань. 1878 г.) Эта 8-ая глава „Программы“ Бодуэна-де-Куртенэ представляетъ перечень важнѣйшихъ фактовъ вліянія старославянской (церковно славянской) письменности на фонетическую, а отчасти и морфологическую сторону русскаго языка. Въ разбираемой главѣ у нашего автора мы также находимъ многія ссылки и указанія на грамматики Л Зизанія и М. Смотрицкаго. Словомъ, авторъ старался *всѣмъ* воспользоваться, что̀ ему *казалось* имѣющимъ отношеніе къ занимающему его вопросу. Намъ же, въ свою очередь, кажется, что далеко не все, что̀ помѣстилъ авторъ въ I-ую главу своего изслѣдованія, имѣетъ отношеніе къ вопросу о церковнославянскихъ элементахъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого естественно возникаетъ у насъ новый вопросъ. для чего же авторъ счелъ нужнымъ подробно перечислять всѣ извѣстныя ему сочиненія по грамматикѣ русскаго и церковно-славянскаго языка, посвятивъ „обзору литературы“ особую главу въ 70 съ лишнимъ страницъ, и что̀ онъ вынесъ изъ этой „литературы вопроса“? Но такъ какъ на эти вопросы мы находимъ отвѣты у самого автора, то и предоставимъ ему отвѣчать на нихъ. Въ концѣ I-ой главы мы находимъ такое заключеніе автора, заключеніе, къ которому онъ пришелъ послѣ разсмотрѣнія литературы предмета: „Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ“. Стр. 129.

Другими словами, авторъ, при сознаніи необходимости ссылаться на труды другихъ ученыхъ, не находитъ въ этихъ трудахъ ничего пригоднаго для себя и для своихъ цѣлей и ограничивается только засвидѣтельствованіемъ своего „добраго желанія“, но въ то же время, по пониманію автора, не осуществимаго.

Не отрицая въ общемъ всѣхъ недостатковъ, указываемыхъ авторомъ въ предшествующихъ трудахъ по занимающему его вопросу; вполнѣ понимая чувство неудовлетворен-

ности у автора, знакомаго съ методомъ и успѣхами современнаго намъ языкознанія, по поводу разбираемыхъ имъ трудовъ прошлаго времени, мы всетаки позволимъ себѣ высказать свое предположеніе слѣдующаго характера: намъ кажется, что авторъ скорѣе всего не нашелъ ничего для себя достойнаго вниманія въ предшествовавшихъ трудахъ, именно, потому, что онъ въ теченіе своей работы самъ колебался въ опредѣленіи своей задачи, самъ не выяснилъ себѣ въ достаточной мѣрѣ то, *чего* онъ долженъ и можетъ искать въ другихъ работахъ для своей цѣли. А что сама цѣль нашего автора была имъ также недостаточно строго опредѣлена, это видно изъ того, что его сочиненіе нисколько не соотвѣтствуетъ тому заглавію, которое поставлено имъ на книгѣ и выписано нами въ началѣ нашей рецензіи. Если же автору нельзя поставить въ упрекъ того, что мы высказали выше, т. е. если авторъ дѣйствительно опредѣлилъ для себя свои задачи и цѣль, то является непонятнымъ его методъ и то обстоятельство, почему онъ нигдѣ не познакомилъ читателей съ тѣмъ, какъ онъ самъ представляетъ себѣ свою задачу, и что̀ заставило его ограничиться въ своемъ изслѣдованіи обозрѣніемъ только *трехъ печатныхъ книгъ* и, именно, тѣхъ, которыя онъ выбралъ. Тѣ общія мѣста и соображенія, которыя приводятся вкратцѣ авторомъ въ „Заключеніи“ (стр 400—402) по этому поводу, на нашъ взглядъ, еще не объясняютъ и не оправдываютъ ни выбора, ни метода автора, ни того обстоятельства, что авторъ, измѣнивши направленіе и содержаніе своей работы, не счелъ нужнымъ измѣнить и самое заглавіе книги. Объяснимъ теперь, какъ мы понимаемъ методъ подобныхъ работъ, и въ какой мѣрѣ, по нашему мнѣнію, авторъ могъ бы воспользоваться трудами прочихъ ученыхъ съ болѣе выгодными для себя результатами.

Въ большинствѣ случаевъ (если не во всѣхъ) авторы приводимыхъ г. Буличемъ въ I-ой главѣ ученыхъ трудовъ, даже иностранцы, не говоря уже о выдающихся для своего времени трудахъ русскихъ ученыхъ: Ломоносова, Максимовича, Востокова, Буслаева, труды которыхъ и сейчасъ имѣютъ свое значеніе (по крайней мѣрѣ, въ частяхъ), при разсужденіи о цсл. (старославянскомъ) и русскомъ языкѣ *брали за исходный пунктъ* для сравненій и выводовъ *современный имъ живой русскій языкъ* въ его литературномъ нарѣчіи; критерій ихъ сравненій и разсужденій ясно чувствовался и чувствуется читателемъ.

Съ теченіемъ времени этотъ методъ сравненій фактовъ стараго языка съ фактами современнаго живого языка, сведѣніе отдѣльныхъ явленій въ области фонетики и морфологіи языка предшествовавшихъ эпохъ къ явленіямъ современной эпохи языка, объясненіе фактовъ прошлаго времени при посредствѣ фактовъ настоящаго; словомъ, методъ всесторонняго изученія языка отдаленнаго отъ насъ времени при посредствѣ изученія современнаго намъ живого русскаго языка (сначала б. ч только литературнаго, а въ послѣднее сравнительно время и народнаго), все болѣе совершенствуясь, получилъ широкое и надлежащее развитіе къ нашему времени и далъ блестящіе результаты въ трудахъ такихъ ученыхъ, какъ Фортунатовъ, Соболевскій, Шахматовъ, Потебня... Не обязателенъ-ли послѣ этого указанный методъ и для каждой новой ученой работы по лингвистикѣ? Въ такой работѣ, какъ работа по вопросу „о церковно-славянскихъ элементахъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ“, *безъ исторіи* русскаго языка, безъ указаній на преемственность явленій и процессовъ фонетики и морфологіи, *не обойтись*, а равно *не обойтись* и безъ точнаго и близкаго знакомства съ живыми народными говорами русскаго языка, *безъ* его *діалектологіи*. Между тѣмъ мы не видимъ у нашего автора ни справокъ съ исторіей русскаго языка, ни указаній на факты языка, нашедшіе себѣ выраженіе въ памятникахъ древне-русской письменности, ни ссылокъ на народные говоры современнаго намъ русскаго языка; и ничего такого мы не находимъ не только въ разсмотрѣнныхъ уже нами частяхъ изслѣдованія г. Булича, но и въ послѣдней главѣ, II-ой, которая составляетъ центръ тяжести всей работы, не смотря на то, что работа носитъ заглавіе: „церковно-славянскіе элементы *въ современномъ литературномъ и народномъ* русскомъ языкѣ“.

II-ая глава, носящая названіе: „Церковнославянскій языкъ“, представляетъ собой довольно полное и обстоятельное сравнительное обозрѣніе фонетики и морфологіи языка трехъ печатныхъ библій: Острожской 1581 года, первопечатной 1663 года и Новой библіи въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существуетъ у насъ теперь, по изданію 1879 года.

Эта глава у автора занимаетъ 269 страницъ и распадается на слѣдующіе отдѣлы: § 1. Языки старославянскій и церковнославянскій (стр. 130—131), § 2. Фонетическія осо-

бенности церковнославянскаго языка: вокализмъ, консонантизмъ. (Стр. 131—156); § 3. Морфологическія особенности церковнославянскаго языка: *А.* Склоненіе (Стр. 156—310), *Б.* Глаголъ. (Стр 310—399) Въ общемъ недостатки этой части труда нашего автора объясняются тѣми же причинами, о которыхъ мы говорили при разсмотрѣніи I-ой главы изслѣдованія, но во II-ой главѣ есть еще и другіе недостатки, объясняемые тѣмъ, что авторъ, изслѣдуя языкъ старопечатныхъ книгъ XVI—XVII столѣтія, недостаточно ясно выдѣлилъ элементы правописанія и элементы языка, или, лучше сказать, авторъ сплошь и рядомъ говоритъ о языкѣ, гдѣ возможна рѣчь только о правописаніи, объ условной и совершенно искусственной системѣ орѳографіи, не имѣющей ничего общаго съ живымъ языкомъ того времени Не только нашъ языкъ, но и наше правописаніе имѣетъ свою длинную исторію, полную глубокаго интереса и назиданія: знакомство автора съ памятниками нашей древнѣйшей письменности, съ рукописной стариной, оберегло бы его отъ увлеченій и слишкомъ усердныхъ поисковъ въ правописаніи печатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка указаній на живое произношеніе русскихъ людей; это знакомство съ памятниками древне-русской письменности убѣдило бы автора въ томъ, что въ древнихъ нашихъ рукописяхъ, въ періодъ письменности до появленія печатныхъ книгъ, до какихъ-либо попытокъ исправленія текста богослужебныхъ книгъ и составленія теоретическихъ правилъ грамматики, находилось гораздо болѣе точекъ соприкосновенія между правописаніемъ извѣстнаго писца и его произношеніемъ, между языкомъ книгъ и живымъ говоромъ различныхъ мѣстностей. Въ этомъ отношеніи каждому изслѣдователю нашего литературнаго языка могла бы дать очень много матеріала небольшая по объему, но богатая по содержанію работа Буслаева по исторіи славянскихъ письменъ, работа, очевидно, оставшаяся неизвѣстной нашему автору, какъ мы можемъ судить объ этомъ на томъ основаніи, что авторъ не упоминаетъ объ этой работѣ Буслаева даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ (въ „Заключеніи“, стр. 399—400, прим. 3) перечисляетъ труды, въ которыхъ можно найти указаніе относительно списка Библіи 1499 года, и упоминаетъ объ „Исторической Христоматіи“ Буслаева, составленной позже труда „Матеріалы для исторіи славянскихъ письменъ“ (въ юбилейномъ изданіи Московскаго

Университета 1855 года). Мы признаемъ необходимымъ здѣсь-же указать, что даже по тѣмъ отрывкамъ изъ памятниковъ, которые помѣщены Буслаевымъ въ его „Матеріалахъ“ и „Христоматіи“, можно наглядно до нѣкоторой степени прослѣдить, какъ постепенно задерживалось въ нашихъ церковныхъ книгахъ вліяніе живого народнаго элемента, народнаго языка, какъ наше правописаніе въ церковныхъ книгахъ отставало отъ развитія живого языка, бившаго ключемъ въ нашихъ древнихъ грамотахъ и актахъ, какъ вырабатывалась условность и искусственно-архаизирующее начало въ системѣ правописанія, принятой нашими церковными книгами Еще въ Геннадіевскомъ спискѣ Библіи 1499 года можно найти значительное количество данныхъ какъ по фонетикѣ живого великорусскаго языка того времени, такъ и по морфологіи, и по лексикологіи, между тѣмъ какъ въ Острожской Библіи 1581 года уже нѣтъ такого богатаго матеріала. Несомнѣнно самый благодарный матеріалъ для изслѣдованія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ литературномъ и народномъ языкѣ *прошлаго времени* представили бы наши грамоты, акты, договоры, записи и другія дѣловыя бумаги, въ особенности юридическія, при сравненіи ихъ языка съ языкомъ книгъ церковныхъ соотвѣтствующаго времени; автору не пришлось-бы при изслѣдованіи языка старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ XVI—XVII в. говорить о тѣхъ фонетическихъ явленіяхъ и измѣненіяхъ живого русскаго языка, которыя пробились и обнаружились въ языкѣ живыхъ русскихъ людей XII—XIII вѣка и позже, нашедши себѣ мѣсто въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности (ниже мы приведемъ цитаты изъ соч. г. Булича и укажемъ мѣста въ его работѣ, объясняющія нашу мысль). При этомъ особенно замѣчательно, что разъ пробившееся извѣстное явленіе фонетики живого русскаго языка въ древней письменности, нерѣдко потомъ скрывается подъ оболочкой условной орѳографіи или даже намѣренно изгоняется изъ письменности позднѣйшаго времени. Авторъ, между прочимъ, говоритъ на стр. 135 своего изслѣдованія: „Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ“... Для какой эпохи это имѣетъ значеніе? Если здѣсь разумѣется языкъ XVI—XVII столѣтія, то съ этимъ можно согласиться; но если это говорится *вообще*, если подъ этимъ можно разу-

мѣть и эпохи ранняго церковнаго произношенія въ Россіи, то это невѣрно: напр., звуки ѣ и е, которые отождествляетъ авторъ другъ другу, въ церковномъ произношеніи ранней эпохи несомнѣнно различались и другъ отъ друга, и отъ ѣ и е въ народномъ произношеніи. (См. выше, стр. 5—6 настоящей рецензіи). Далѣе, какъ характерный признакъ цсл. вокализма, авторъ указываетъ на стр. 135—136 ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ; на стр 136 авторъ говоритъ: „Можно указать *только одинъ случай* (курсивъ нашъ), свидѣтельствующій о ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: wскоменатсѧ—Іер. XXXI. 30“. Въ Острожской и Первопеч. Библіяхъ въ этомъ словѣ послѣ *м* стоитъ *и*. Про какую библію здѣсь говорится? Гдѣ авторъ нашелъ только *одинъ* случай? Въ Новой Библіи? А какъ-же произносились неударенные гласные въ эпоху печатанія Острожской Библіи 1581 года? Какъ отразилось это произношеніе въ правописаніи Острожской Библіи? Въ ней мы находимъ написаніе: .. или гласо ꙗкоже онъ *гримѣши*—Іов Гл 40 (Бусл И. Х. 213), тогда какъ въ Библіи по исправленному тексту мы читаемъ въ этомъ мѣстѣ: или гласомъ на него *гремѣши*; въ Новой (1879 г.)—также: *гремѣши*. Такимъ образомъ, мы не знаемъ изъ работы г. Булича, на какомъ пространствѣ времени извѣстенъ *только одинъ случай* неяснаго произношенія неударенныхъ гласныхъ; *всегда-ли* неударенные гласные въ церковномъ произношеніи были ясны, или *прежде были менѣе ясны, чѣмъ теперь?* Если послѣднее вѣрно, то какъ связать съ этимъ наблюдаемый въ исторіи гласныхъ звуковъ русскаго языка фактъ измѣненія этихъ звуковъ въ зависимости отъ обнаружившихъ свое дѣйствіе въ языкѣ сравнительно новыхъ законовъ объ удареніи; это измѣненіе гласныхъ звуковъ шло, именно, въ направленіи къ неясному произношенію; замѣчается въ нѣкоторыхъ звукахъ даже стремленіе къ исчезновенію подъ вліяніемъ разстоянія отъ ударяемаго гласнаго и развивавшагося „экспираторнаго“ элемента въ русскомъ удареніи.

Оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ о „ясномъ произношеніи гласныхъ неударенныхъ въ цсл. языкѣ“ и считая эту „ясность“, по крайней мѣрѣ, въ современномъ намъ церковномъ произношеніи, въ значительной мѣрѣ *относительною* и

зависимою отъ произносящаго субъекта, мы обратимъ вниманіе автора только на то обстоятельство, что дѣлать заключенія о ясности произношенія неударенныхъ гласныхъ по правописанію старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ такъ-же рискованно, какъ убѣждать читателя въ ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ въ современномъ намъ литературномъ нарѣчіи русскаго языка по правописанію нашихъ книгъ свѣтской печати. Надо считаться съ *искусственностью* правописанія, какъ съ фактомъ, и съ искусственностью церковнаго произношенія, не всегда находящею себѣ объясненіе въ живомъ произношеніи русскаго неграмотнаго человѣка.

Переходимъ теперь къ „историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго (?) вокализма“. Странно читать у автора (Стр. 136), изслѣдующаго языкъ печатныхъ книгъ XVI—XVII в., объ исчезновеніи носовыхъ гласныхъ въ церковнославянскомъ языкѣ указаннаго времени, если извѣстно, что въ историческое время носовые гласные въ русскомъ произношеніи тѣхъ-же церковныхъ книгъ уже не произносились, *если произношеніе XI-го вѣка уже не знало въ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ*. Само присутствіе въ нашихъ, современныхъ намъ, богослужебныхъ книгахъ знака ѧ при а (а) уже избавляетъ автора, по нашему мнѣнію, отъ какой-либо надобности упоминать о носовыхъ звукахъ вообще. Подобное-же можно замѣтить и относительно разсужденія автора объ исчезновеніи на концѣ словъ и слоговъ *гласныхъ* ъ *и* ь (Стр 138), если мы имѣемъ дѣло съ XVI—XVII вѣкомъ и съ нашимъ временемъ

Напротивъ того, написанія въ родѣ: пресѣ\нникъ (Быт XXIII. 4), если они встрѣчаются въ Острожской библіи, могли бы на себѣ остановить вниманіе автора, который желаетъ разсматривать цсл. элементы въ живомъ русскомъ языкѣ, и заключеніе автора о томъ, что написаніе л вм. л᾽ (ль) въ подобныхъ случаяхъ объясняется малограмотностью издателей и справщиковъ (стр. 138), не согласуется съ другими фактами правописанія нашихъ богослужебныхъ книгъ, съ фактами, которыхъ авторъ не объясняетъ „малограмотностью“. Въ виду указанія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, гдѣ мы наблюдаемъ такое произношеніе, какъ: блр. болно, волно; свр. вологод. караулной, цѣлной, болша́я, болной, начялсву, печалной, хмелной и проч.; влад. яросл.: петелка и др., а также въ виду указа-

ній нашего древне-русскаго языка, напр , въ актахъ и грамотахъ, гдѣ мы читаемъ: грамоту *жаловалную, старожилцы*—1490 г., *селцо, силнь*—XI в., *силно*—XV в., *лотную* грамоту, *хлѣльника*—1491 г. (А Ю №№ 1—4), было бы весьма интересно изслѣдовать вопросъ о томъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь указаній на этотъ счетъ и въ нашихъ старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ, печатавшихся въ различныхъ мѣстностяхъ и, можетъ быть, *въ извѣстной степени* отражавшихъ въ XVI вѣкѣ діалектическія особенности подобно Библіи Скорины.

Недостаточнымъ-же разграниченіемъ *литературнаго* и *народнаго* русскаго языка, а равно и полнымъ отсутствіемъ ссылокъ у автора на тотъ и другой, объясняются и многія заключенія автора въ дальнѣйшемъ изложеніи. Напр., авторъ говоритъ объ исчезновеніи палатализаціи губныхъ внутри слова передъ согласными въ русскомъ языкѣ (стр. 139. ср. 161.); но намъ неизвѣстно, какой языкъ имѣетъ въ виду авторъ: литературный русскій, или народный въ его парѣчіяхъ; притомъ всѣ примѣры, приведенные авторомъ на этотъ случай, представляютъ намъ губные звуки въ положеніи передъ слѣдующими *твердыми* согласными и слогами (исключая. всѐ—М I 22), тогда какъ *мягкость губныхъ* еще извѣстна многимъ русскимъ говорамъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ литературный языкъ имѣетъ уже *твердые*. Какъ же авторъ будетъ объяснять это явленіе? Твердость-ли губныхъ въ литературномъ р. языкѣ изъ церковнославянскаго, или мягкость губныхъ въ народныхъ говорахъ изъ него-же? Напр., въ ювр мы имѣемъ: дѣвьки (дʼєфʼки), ямьки (јамʼки), земьство и проч ; что же касается напр., слова „крѣпкій“, то его произношеніе, въ особенности въ формѣ им падежа мн. числа—„крѣпкіе“, съ мягкимъ звукомъ „п“ извѣстно не только народному языку, но и литературному: мы слышимъ постоянно „крʼєпʼкіи“, между тѣмъ какъ это слово возводится къ стрсл съ суф. *ъ к*: крѣпъкъ. Подобныхъ словъ можно бы привести много. А въ свр. (новгород. и др) мы это явленіе часто наблюдаемъ передъ суф. ск (ьск), ств (ьств), и объ немъ можно найти указанія въ трудѣ Колосова (Замѣтки. I. Стр 20. Срв. также Соболевскаго Лекціи по ист. р яз. Стр. 107—108. 2-е изд). Уже и предложенныхъ выше примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что у автора въ сочиненіи не выдѣлены строго элементы правописанія и элементы живого языка, вслѣдствіе чего авторъ

приписываетъ неоднократно языку то, что должно быть отнесено на счетъ правописанія; далѣе, не выдѣленнымъ является и литературный русскій языкъ отъ народнаго, а потому и заключенія часто имѣютъ такой общій характеръ, что возбуждаютъ недоумѣнія, т. к. имѣютъ только *условное* значеніе. Мы сгруппируемъ недостатки перваго и второго рода, чтобы не возвращаться нѣсколько разъ отъ одного предмета къ другому. Такъ, напр., на стр. 141 мы читаемъ у автора „о вокализаціи плавныхъ сочетаній“: стрсл. рѫ, лѫ, рѣ, лѣ. Авторъ самъ приводитъ изъ Остр. Библіи образцы: трѫжищихъ, клѧны и друг. и не указываетъ въ то-же время на значеніе такихъ написаній для языка русскаго XVI вѣка и для правописанія цсл. книгъ. Намъ думается, что образцы подобныхъ написаній должны бы были подсказать автору, что источникъ, выбранный имъ для изученія живого литературнаго рускаго языка и народнаго языка XVI вѣка, неспособенъ дать обильнаго матеріала для заключенія о цсл. элементахъ въ *современномъ* литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ; что по такому источнику гораздо удобнѣе судить о *русскихъ* элементахъ въ цсл. книгахъ XVI вѣка, чѣмъ объ элементахъ *церковнославянскихъ* въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Невольно при этомъ задаешься вопросомъ: нужно-ли говорить о русскихъ особенностяхъ въ передачѣ стрсл. плавныхъ сочетаній рѫ, лѫ, рѣ, лѣ, когда идетъ рѣчь о русскомъ языкѣ печатныхъ книгъ XVI—XVII столѣтія? Или, въ такомъ случаѣ, оставивъ въ сторонѣ живой языкъ, слѣдовало-бы говорить только о правописаніи книгъ XVI—XVII в.. . Такъ-же точно выступаетъ на видъ искусственность правописанія разсматриваемыхъ богослужебныхъ книгъ и въ области консонантизма Авторъ, разбирая подробно случаи правописанія шипящихъ звуковъ (передненебныхъ, переднеязычныхъ) въ соединеніи ихъ съ различными гласными, хочетъ во что бы то ни стало объяснить правописаніе старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ фактами живого произношенія въ русскомъ языкѣ, хочетъ найти объясненіе даннаго правописанія въ живомъ произношеніи XVI-го и послѣдующихъ вѣковъ. Такъ, авторъ на стр. 145 заключаетъ: „Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализаціи согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской“. Едвали *правописаніе* старопечатныхъ книгъ можетъ представить достаточное количе-

ство *несомнѣнныхъ* данныхъ для такого заключенія! И потомъ про какую *русскую* палатализацію говорится здѣсь? Про палатализацію въ *литературномъ* или въ *народномъ* языкѣ? Про палатализацію *современнаго* намъ языка или языка XVI—XVII вѣка? Въ самомъ дѣлѣ, приводя правописанія Новой Библіи: *проро́ки* (М. II. 23), *дрꙋ́ги* (М. V. 47), *мѣ́хи* (Мр. II. 22) и т. п. въ параллель съ написаніями Острожской, гдѣ читаемъ: *пр҃рокы*, *дрꙋгы*, *мѣхы* и т. п., авторъ, какъ можно думать, дѣлаетъ это съ тою цѣлью, чтобы показать отношеніе этого правописанія къ живому произношенію и объяснить причины соединенія задненебныхъ звуковъ въ указанныхъ и подобныхъ случаяхъ съ гласной „и“ въ Новой и Первопечатной Библіяхъ при „ы“ въ Острожской. Но развѣ, спросимъ мы, задненебные звуки въ XVI в. (1581 г) въ *живомъ* произношеніи соединялись съ твердымъ „ы“ въ *подобныхъ* случаяхъ? На это служатъ отвѣтомъ исторія р. языка въ ея памятникахъ и, главнымъ образомъ, языкъ русскихъ грамотъ и актовъ... Далѣе, такъ-же мало довѣрія внушаетъ къ себѣ все разсужденіе автора о „шипящихъ“ согласныхъ въ соединеніи съ гласными (Стр. 146—150. Срв. 199 201. 202. 227. 234. 238). Въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе къ живому языку того и нашего времени могутъ имѣть такія написанія, какъ: И҆́же оу҆̀бо кленетсѧ ѻ҆лтаремъ, кленетсѧ и҆́мъ, и҆ *сꙋ́щымъ* верхꙋ̀ е҆гѡ̀: И҆ и҆́же кленетсѧ цр҃ковїю, кленетсѧ е҆́ю, и҆ *живꙋ́щимъ* въ не́й: И҆ кленыйсѧ нб҃семъ, кленетсѧ престоломъ Бж҃іимъ и҆ *сѣдѧ́щимъ* на немъ. (М. XXIII. 20—23). Ясно, что въ подобныхъ образцахъ правописанія печатныхъ богослужебныхъ книгъ почти все,— начиная съ отдѣльныхъ буквъ и знаковъ, и кончая сочетаніями буквъ,—говоритъ объ *искусственности* своей или, какъ мы увидимъ ниже, объ намѣренномъ, тоже искусственномъ, сохраненіи *старой* буквы и *стараго* правописанія, по которому неудобно судить о *новомъ* произношеніи. Въ приведенномъ мѣстѣ мы видимъ и три различныхъ начертанія для одного звука *о* (ѻ, ѡ, о), и необычное удареніе (цр҃ковїю), и соединеніе буквы „щ“ съ „ы“ и „и“ (сꙋ́щымъ, живꙋ́щимъ,

сѣдящимъ) въ одинаковыхъ формахъ и, конечно, при одинаковомъ произношеніи этого звука, обозначаемаго буквою „щ“. Хотѣлось-бы на основаніи образцовъ правописанія нашихъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ вывести заключеніе о томъ, что система правописанія, при своей условности, всетаки обнаруживаетъ въ себѣ руководящую идею нашихъ печатниковъ, даетъ понятіе о какихъ-либо строго проведенныхъ правилахъ, которыя были положены въ основаніе и руководство при печатаніи нашихъ богослужебныхъ книгъ и которыя къ нашему времени все болѣе совершенствовались, но и для такого заключенія не всегда имѣются достаточныя основанія въ нашихъ старопечатныхъ и современныхъ намъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Такъ, насколько можно замѣтить, въ нашей Новой Библіи принята *чисто условная* орѳографія въ видахъ, вѣроятно, внѣшнихъ удобствъ при чтеніи, дабы легче было отличить по правописанію одинаковыя въ звуковомъ отношеніи формы. Напр., послѣ „щ“ въ им. пад. мн. ч, въ им. и твор. ед. ч., въ род. п. мн. ч. причастій наблюдается чаще „и“, тогда какъ въ вин. мн. ч. тѣхъ же причастій послѣ „щ“ находимъ обыкновенно „ы“, въ дат. мн ч.—тоже „ы“. Равнымъ образомъ при „а“ въ вин. мн. ч. послѣ „щ“ и „ш“ въ прич. и прилагательныхъ мы видимъ въ другихъ падежахъ и формахъ послѣ тѣхъ же шипящихъ—„а“. Во множ. ч. въ дат. п. послѣ „ш“—„ы“, въ ед числѣ въ твор. п. тѣхъ же формъ и словъ находимъ—„и“; при этомъ въ окончаніи 2-го лица ед. числа глаголовъ наст. и буд. времени *всегда* „ш+и“. и никогда „ш+ы“. Какія могли быть фонетическія основанія, данныя въ живомъ языкѣ, начиная съ XVI-го вѣка, для такого правописанія?! Напр., мы читаемъ въ Новой Библіи: глющимъ—твор. ед. ч. (М. II. 15), градѕщыа—вин. мн. (М. III. 7), просящымъ—дат. мн. (М. VII. 11), пасѕщіи—им. мн. ч (М. VIII. 33), нищіи—им. мн ч (М. XI. 5), продающихъ—род мн. ч. (М. XXI. 13). Срв. послѣ „ш“: пришедшымъ—дат. мн. ч. (М. XVII. 14), вашимъ—твор. ед. ч (М. XVIII. 14), падшихъ—вин. мн. ч. (Мр. VIII. 3), мнѡжайша—вин. мн. ч. (М. XXI. 36), биша, сотвориша и друг.—ibid; срв. оуши—(М. XIX. 24), павльшіяся—род. ед. ч. ж. р. (М. II. 7), за-

бл8ждшıа—вин мн. ч. ж. р. (М. XVIII. 13). Интересно также правописаніе гласныхъ при „ж“: приближитиса—Мр II. 4; жили́ще—Мр. V. 3, можаше—Мр. V. 4; возложи́ши—Мр. V. 23; и др. При „ш“ въ глагольныхъ формахъ мы почти постоянно почему-то находимъ—„и“, а не—„ы“. Сравни повтореніе о неспособности согласныхъ *ц* и *ш* палатализироваться, вызывающей измѣненіе слѣдующаго за ними *и* въ *ы* у автора на стр 160 и о *жс*—ibidem. Не приводя примѣровъ на *ш*+*и*, которыхъ масса въ Библіи (см. напр, книгу Іова гл. XL), мы отмѣтимъ примѣръ: *ко́жи* еди́ныа ошиба егѡ—род ед. ч.—Іов. гл. XL. 26. Такое, нисколько не соотвѣтствующее языку, правописаніе мы находимъ и въ другихъ старопечатныхъ книгахъ: такъ, въ Патерикѣ Печерскомъ (1702 г. См. Пекарскаго. „Наука и литература при Петрѣ“. Т. II. Стр. 65. № 56), который находится въ нашей библіотекѣ, мы читаемъ: плачь и врачъ—л. 58 об. сѫщымъ—дат. мн. ч.—59; къ сѫщимъ съ нимъ—дат. мн. ч—60; съ наставникомъ сѫщымъ—тв. ед. ч—62; оцъ нашъ—60; мѫжы—вин. мн.—62 об. и мн. др. Срв. въ Новой Библіи: наро́дъ оугнѣта́ющъ—Мр. V. 31. Только еще буква „ц“ въ исключительномъ положеніи и, пожалуй, даетъ кое-что для языка, но при этомъ не надо забывать, что отвердѣніе звука „ц“—явленіе для XVI-го вѣка не новое, и можно только говорить, что обозначеніе живого твердаго (литературнаго) „ц“ нашло себѣ мѣсто въ старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ. Отвердѣніе-же въ языкѣ звука „ц“ началось еще въ XI-мъ вѣкѣ, судя по памятникамъ; такъ, въ Архангельскомъ Евангеліи 1092 года (Ркп. Моск. Рум. Муз. № 1666) мы находимъ: въдовица—им. ед.—л. 70 и при этомъ: въдовица—им. ед. ч.—л. 69, а также даже въдовицы—им. мн. ч. (См. Дювернуа О критич. значеніи Арх. Евангелія Ж. М. Н. Пр. 1878. октябрь. Стр. 186). Кромѣ этого, говоря объ отвердѣніи „ц“ въ русскомъ языкѣ, надо имѣть въ виду, что „ц“ въ нѣкоторыхъ русскихъ народныхъ говорахъ еще до сихъ поръ *мягко* и, слѣдовательно, обозначеніе твердаго „ц“ въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ объясняется до нѣкоторой степени *мѣстнымъ* произношеніемъ или литературнымъ, а никакъ не произношеніемъ *всего* русскаго языка, произношеніемъ, которое развилось въ

русскомъ языкѣ, составляя какъ-бы его особенность въ отличіе отъ старо-славянскаго. (Срв. у автора стр. 146).

Мы имѣемъ, напр., мягкое „ц“ въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи: пятниця, пятницю, отця (Новг. губ.), отзываетця, цярь, птиця, крыльце, лицемъ и друг. (Колосовъ. Замѣтки.... I. Стр. 19. 194. 198. 199 и др.—Олонецкій край); мягкое же „ц“ извѣстно и мало-русскому нарѣчію. Наоборотъ, звукъ „ч“, который считается авторомъ (Стр. 147), повидимому, *палатальнымъ для всего* русскаго языка (Срв. стр. 227), извѣстенъ народу и съ *твердымъ* произношеніемъ .. (Срв. Колосова. ibid. стр. 19). См. примѣчаніе на стр. 139 въ книгѣ г. Булича.

Точно такими-же „искусственными“ и проведенными непослѣдовательно въ печатныхъ нашихъ церковныхъ книгахъ мы считаемъ и написанія *жд* и *щ* вм. русскихъ *ж* и *ч*, проникшихъ въ русскую письменность съ первыхъ моментовъ исторической жизни русскаго языка. (Срв. у автора стр. 148). Въ старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ и въ современныхъ намъ эти формы съ *жд* и *щ* введены изъ подражанія древнимъ слав. формамъ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ по поводу отдѣла фонетики цсл. языка, прежде чѣмъ перейти къ его морфологіи.

Напрасно авторъ утверждаетъ (стр. 142), что „слѣдствіемъ безразличнаго произношенія *ѣ* и *е* являются написанія“: мрéжи—М. IV. 18, прéданъ—М. IV. 12, wблечéся—М. VI. 29, дрéво—М. III. 10 и т. п. Если подобныя написанія ведутъ свою исторію съ XI—XII вѣка въ русской письменности, когда звуки *ѣ* и *е несомнѣнно* различались и въ народномъ произношеніи, и въ церковномъ, гдѣ *ѣ* = e^{i}, тогда какъ въ народномъ произношеніи *ѣ* было еще близко къ звуковому дифтонгическому сочетанію *ie*, то, значитъ, подобныя написанія могли удерживаться и *чисто графически* и поддерживались привычкой и традиціей въ письмѣ; въ такомъ случаѣ въ правописаніи печатныхъ богослужебныхъ книгъ XVI—XVII вѣка нельзя видѣть указанія на безразличное произношеніе *ѣ* и *е* въ живомъ русскомъ языкѣ XVI—XVII и слѣдующихъ вѣковъ. Совпаденіе этихъ двухъ звуковъ въ *литературномъ* русскомъ языкѣ и *въ большей части* народныхъ русскихъ говоровъ произошло гораздо ранѣе того времени, кото-

рому принадлежатъ изслѣдуемыя авторомъ богослужебныя книги, и потому не въ этихъ книгахъ искать доказательствъ такого звукового совпаденія и не этимъ совпаденіемъ объяснять правописаніе печатныхъ церковныхъ книгъ (Срв здѣсь выше стр. 6—7). Если пользоваться образцами правописанія въ печатныхъ церковныхъ книгахъ, какъ: *мрежи*, *древо* и т п., выводя ихъ изъ тождественнаго произношенія звуковъ *ѣ* и *е* въ русскомъ языкѣ (неизвѣстно, въ *какомъ* русскомъ языкѣ: литературномъ, или народномъ. См у автора стр. 142), то. можетъ быть, позволительно пользоваться также и образцами правописанія съ буквами: ѕ и з? Мы, напр., видимъ и въ Остр. Библіи, и въ Новой нѣкоторыя слова, сохранившія свою древнѣйшую стрсл орѳографію, основанную на живомъ произношеніи южныхъ славянъ той мѣстности, гдѣ переводилось Св. Писаніе съ греческаго языка; эти слова сохраняли свое ѕ и въ русской письменности, гдѣ уже однако съ древнѣйшихъ временъ замѣчается смѣшеніе ѕ и з вслѣдствіе забвенія звуковой разницы между ними въ живомъ языкѣ, это смѣшеніе, или даже замѣна знака ѕ знакомъ з, тянется и наблюдается въ р. правописаніи разнаго времени и различныхъ мѣстностей; но вотъ въ Остр. Библіи мы наблюдаемъ довольно послѣдовательное правописаніе: ѕѣло, ѕвѣзды, ѕвѣрь, ѕмій и въ Новой: ѕвѣри, ѕмія, ѕѣлw, но зато въ послѣдней мы замѣчаемъ и написаніе ѕлый, не оправдываемое ни фонетическими причинами, ни привычной орѳографіей; срв. съ этимъ въ Остр. Библіи: мноѕи—въ Новой: мнози и т. п.

При этомъ надо замѣтить, что звуковое сочетаніе дз (ѕ) и жило, и живетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, а потому въ данномъ случаѣ, относительно звуковъ ѕ и з и ихъ начертаній, неосторожный изслѣдователь языка и правописанія Острожской Библіи, Первопечатной и Новой могъ бы сдѣлать заключеніе объ отраженіи живого произношенія русскаго языка въ правописанія названныхъ памятниковъ.

Не будетъ лишнимъ, по нашему мнѣнію, еще разъ указать на то, что въ трудѣ г. Булича разобранные выше недостатки объясняются тѣмъ, что авторъ нигдѣ не объясняетъ своихъ взглядовъ на литературный русскій языкъ, на его отношеніе къ народному, на правописаніе старопечатныхъ книгъ и на отношеніе этого правописанія къ правописанію

рукописей, а равно и на отношеніе правописанія къ живому произношенію разнаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, что же авторъ разумѣетъ подъ литературнымъ русскимъ языкомъ? Сочиненіе его представляетъ изслѣдованіе звуковъ и формъ цсл. языка на основаніи правописанія трехъ Библій XVI—XIX вѣка. Отсюда можно сдѣлать естественное предположеніе, что языкъ, именно, этихъ памятниковъ авторъ и считаетъ *литературнымъ русскимъ* языкомъ, т. к. въ этихъ памятникахъ авторъ ищетъ цсл. элементовъ. Но гдѣ-же тогда у автора *народный русскій* языкъ? О немъ въ книгѣ автора мы *ничего* не находимъ! Выше мы упоминали (см. здѣсь стр. 11) о Геннадіевскомъ спискѣ Библіи 1499-го года Если ограничиться даже тѣмъ матеріаломъ, который дается Буслаевымъ (въ его „Исторической христоматіи“ и въ „Матеріалахъ“ 1855 г.), то ясно видно, что *при всей искусственности правописанія* Библіи 1499-го года въ ней есть и чисто русскія народныя формы (2-е л. ед. ч. наст. вр. на—*шь*, неопр. накл. на—*ть*, даже такая чисто народная форма, какъ приссага—2 л. мн. ч. наст. вр.—Буслаевъ И. Х. Стр. 167) гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Исправленной Библіи и въ Новой, гдѣ намѣренно изгоняется печатниками и справщиками діалектическій и русскій элементъ Это обстоятельство должно указывать на то, что время книгопечатанія и составленія грамматикъ сказалось на орѳографіи церковныхъ книгъ, и совершенно отрицать вліяніе даже искусственныхъ правилъ грамматики Л. Зизанія или М Смотрицкаго на правописаніе того времени мы не находимъ возможнымъ. (Срв. у автора стр. 403). Срв., напр , формы Новой Библіи: отрочатехъ при отрочатахъ, или нози—им мн. ч. при—ланитома—дв. ч. ж. р. (См. стр. 191 у Булича).

Авторъ на стр 143 своего изслѣдованія признаетъ характерной чертой церковнославянскаго вокализма сохраненіе *ѣ* передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, но при этомъ ничего не говоритъ намъ, *какъ* обнаружилась и отразилась эта черта вокализма въ церковнославянскихъ книгахъ, которыми онъ занимается. Откуда выведено это наблюденіе? Изъ *современнаго* церковнаго произношенія? Но тогда опять придется говорить о томъ, *что* авторъ кладетъ въ основаніе для своихъ заключеній и сравненій. Или эти основанія мѣняются, смотря по затрагиваемому вопросу? И почему эта черта во-

кализма отнесена къ эпохѣ печатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка и составляетъ характерную черту „церковнославянскаго“ языка, а не старославянскаго, не древне-русскаго въ его доисторическомъ періодѣ или въ періодѣ ранней исторической жизни?

Авторъ далѣе говоритъ, что *въ русскомъ* это è измѣнилось въ ò, но опять неизвѣстно, *какой* русскій языкъ подразумѣваетъ авторъ: литературный, или народный, или и тотъ и другой. Если можно подразумѣвать здѣсь и *народный*, т. к. опредѣленно авторъ ничего не говоритъ, то это будетъ невѣрно: не на всемъ пространствѣ русскаго народнаго языка é переходитъ въ ó: малорусскій языкъ этого перехода почти не знаетъ.

Сохраненіе же *é* въ цсл языкѣ правильнѣе считать чертой *старославянской*. да и древній русскій языкъ не зналъ перехода *é* въ *ó* до XII—XIII вѣка.

Намъ извѣстны, впрочемъ, нѣкоторые примѣры такого перехода *е* въ *о* уже въ XI вѣкѣ изъ русскихъ памятниковъ: въ Тріоди Постной Новг. Соф. библ. читаемъ *поновою* Христе тъгда прѣпоѫсасѧ (Срезневскій. Др. пам. р. письма и яз. Изв. А. Н X. V. 446); Срв. совр. влкр. и млр. понева и понява. Въ сентябрьской Минеѣ 1095 года на л. 118б читаемъ: жьрътвоу чстоую сама сѧ хоу *приносѧши*—Ягичъ. (Служебн. Минеи. Стр. 160. См. также здѣсь прим. 1). Затѣмъ мы можемъ привести слѣдующій примѣръ изъ Изборника 1076 года: тѣхъ вождевъ възискаша и ѫшасѧ *твордо* за роукы ихъ. (Срезневскій. ibidem. Изв. А. Н. X. V. 428). Правда, что нѣкоторые ученые не довѣряютъ столь раннему проявленію этой черты живого языка въ письменности (См. Ягича. Критич. Замѣтки по ист. р. яз. Спб. 1889. Стр. 39), но, если даже согласиться съ этимъ въ виду рѣдкости подобныхъ примѣровъ въ XI—XII вѣкѣ, то съ XIII—XIV вѣка эта черта языка уже можетъ быть удостовѣрена довольно большимъ количествомъ фактовъ изъ древне-русскихъ памятниковъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что авторъ, выражаясь часто очень неопредѣленно, даетъ возможность читателю подозрѣвать недостаточное знакомство съ исторіей и діалекто-

логіей русскаго языка [1]). Возможны, конечно, и неправильныя толкованія словъ автора со стороны читателя, но въ этомъ виноватъ самъ авторъ: *отчего* зависитъ неточность и неопредѣленность его выраженій и заключеній въ изслѣдованіи *по языку*, на это можетъ отвѣтить авторъ самъ себѣ

И по отношенію къ старославянскому языку авторъ даетъ полную возможность читателю оставаться при его недоумѣніяхъ и подозрѣніяхъ

Такъ, въ отдѣлѣ той-же фонетики, на стр 144, читаемъ: „Характерная особенность старославянскаго вокализма — сохраненіе ı(=ь) передъ слѣдующимъ j—въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена вліяніемъ русскаго языка". Неясно, почему эта особенность характеризуетъ, по мнѣнію автора, старославянскій языкъ; автору несомнѣнно извѣстно, что такой-же особенностью старославянскаго вокализма служитъ и замѣна этого ı(ь) посредствомъ ѥ въ томъ случаѣ, если теряютъ свое произношеніе глухіе ъ и ь послѣдующаго слога. Такъ, мы въ старославянскихъ памятникахъ, въ которыхъ не замѣчается никакого русскаго вліянія, имѣемъ однако формы: пѕтєй—род. мн. ч, колєн—сравн. ст. им. ед ч. м. р., людєи—род. мн. ч,

---

[1]) Такъ, напр, довольно длинный экскурсъ автора въ область произношенія буквы «щ», доказывающій вторичность произношенія «щ» передъ непалатальными гласными, какъ «шч» (не «шт»), не убѣдителенъ уже въ виду того, что русскій звукъ, изображаемый знакомъ «щ» въ древней р. письменности, всегда, вѣроятно, произносился, какъ дифтонгическое сочетаніе «шч», на что есть указанія и въ древнихъ памятникахъ русской письменности (См. между прочимъ Соболевскаго Лекціи [2]. Стр. 119).

Вслѣдствіе недостаточнаго же знакомства своего съ говорами и нарѣчіями русскаго языка авторъ говоритъ слѣдующее: «Слѣдовъ діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного образчиками могутъ служить случаи *ч* вмѣсто *ц*, встрѣчающіеся изрѣдка: напр, чепѣй (Суд VIII. 26), чѣпи, чепо́чки (Исходъ, XXVIII. 24. 25) и т. д.» Стр 156 Авторъ, очевидно, не предполагаетъ, что слово «чепь» ничего общаго, кромѣ значенія, не имѣетъ со словомъ «цѣпь», на что, между прочимъ, указываетъ и то обстоятельство, что слово «чепь» *извѣстно въ тѣхъ народныхъ говорахъ*, гдѣ нѣтъ мѣны *ц* на *ч* и обратно Разница здѣсь и въ коренномъ гласномъ звукѣ. Есть въ др р письменности «Златыя Чепи», въ языкѣ которыхъ не замѣчается признаковъ мѣны *ц* и *ч*. (Бусл. И Х. Стр 477 и слѣд) См также Соболевскаго Лекціи [2] 129. Миклошичъ (Etym. Wtb.) считаетъ форму čerī общеславянской. S v. čerī.

рожденсм—прич. прош. вр. им ед. м. р. и проч. И въ такихъ случаяхъ подозрѣвать русское вліяніе нельзя. Напр., въ Мар. Ев мы имѣемъ: дѣтеи—род. мн. ч. (Ягичъ. 51. 1. 54. 19). дынеи и дънеи—род. мн. ч (ib. 200 25. 228. 26. и мн. др.); см. также Срезневскаго. Др. пам. юс. п. Стр. 163 et passim.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы видѣть на нихъ, что̀ принадлежитъ языку и что̀ правописанію, что̀ должно быть отнесено къ искусственнымъ формамъ литературнаго языка, и что̀ имѣетъ для себя основаніе въ языкѣ народномъ.

Переходимъ къ морфологіи. На первой же страницѣ (156) морфологіи мы встрѣчаемъ у автора доказательство недостаточнаго знакомства съ памятниками старославянскаго языка Такъ, авторъ пишетъ, что твор. ед. ч въ цсл. имѣетъ окончаніе *о—мъ* вмѣсто стсл *ъ—мь* у основъ на *и*. На это замѣтимъ, что въ стрсл памятникахъ *нѣтъ* окончанія *ъ—мь* отъ основъ на *и*, но отъ основъ на *о* есть. (Остр. Ев. въ счетъ не идетъ). Это авторъ могъ бы узнать просто изъ грамматики стрсл. языка Лескина [1]). (Срв. русскій переводъ А. А. Шахматова и В Н. Щепкина. Стр. 180. М. 1890).

Затѣмъ, на стр 171, разсуждая объ именахъ существительныхъ съ согласной основой на *п*, авторъ замѣчаетъ: „старинный именительный множественнаго на—є, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ *уже отсутствуетъ*, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ“ Авторъ, конечно, упустилъ при этомъ изъ виду, что такая форма имен. падежа множ. числа отъ именъ съ первичной основой на—*п* (см. у автора стр. 175—176) *извѣстна* старославянскимъ памятникамъ отъ слова дынь: въ Мар. Евангеліи [2]) находимъ: им. мн. ч. дыне—стр. 89, 2—3; дънє—стр. 82. 27 и друг. Эти-же формы извѣстны и Зографскому Евангелію.

На стр. 185 объ основахъ на *и*—читаемъ: „Предложный падежъ *утратилъ древнюю форму* (стрсл. цркъвѣ) и пошелъ по типу основъ на *і*—: любви (1 Іоан. IV 16. 18)“. Но намъ опять показываютъ старослав памятники, что форма на—и отъ такихъ именъ тоже будетъ *древней*, т. к. встрѣчается сплошь

---

[1]) Leskien Handbuch der altbulg. Sprache Weimar 1886 [2] § 56

[2]) Ягичъ Маріинское Четвероевангеліе. Спб 1883

и рядомъ въ памятникахъ столь-же древнихъ и въ однихъ и тѣхъ-же вмѣстѣ съ формой на—е: въ Мар. Ев (Ягичъ. ibidem.) находимъ: въ цркви—стр. 201. 4. и друг., о цркви—стр. 293. 7 и друг. любьви—стр 379 4. 5—6. крви—стр. 85. 24. и т. п. Такія формы мы находимъ и въ Зогр Ев., и въ Син. Псалтыри; въ нѣкоторыхъ стрсл. памятникахъ *окончаніе*—и въ этомъ падежѣ является *исключительнымъ* (Ассем. Ев, Клоц. Гл, Супр. ркп.), а слово кровь только и извѣстно съ окончаніемъ—и въ стрсл. памятникахъ [1]),

Не думаемъ также, чтобы формы въ родѣ *кровей*—род. мн. ч. въ цсл. печатныхъ книгахъ объяснялись только вліяніемъ русскаго языка (Стр. 185): род. п. мн. ч кровьи (произн. крвей. См. Ягича Мар. Ев. Стр. 435) рядомъ съ крвии встрѣчается въ стрсл. памятникахъ *безъ всякаго русскаго вліянія* и могъ переходить по наслѣдству въ церковные памятники русской редакціи и существовать рядомъ съ формами на—ии, какъ мы и видимъ въ тѣхъ же старопечатныхъ церковныхъ книгахъ. (Стр 185). Кромѣ того, относительно слова кровь слѣдуетъ замѣтить, что оно въ стрсл. уже имѣло особое склоненіе, нѣсколько отличавшееся въ формахъ отъ формъ склоненія типа цркы. Вѣдь, выдѣлилъ же авторъ въ особый параграфъ склоненіе слова дынь (Стр. 175—176)!

Нашъ разборъ принимаетъ противъ нашего ожиданія довольно большой объемъ, а потому въ слѣдующемъ изложеніи мы постараемся указать только на самые существенные недостатки сочиненія г. Булича, хотя и перечисленіе таковыхъ должно занять немало мѣста

Такъ, въ отдѣлѣ склоненія именъ сущ авторъ въ разныхъ мѣстахъ, говоря объ различныхъ основахъ именъ, о различныхъ числахъ и падежахъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что „такая-то форма встрѣчается *уже* въ Острожской Библіи“, или что „такая-то форма представляетъ *позднѣйшее* образованіе или *новѣйшее* въ цсл. языкѣ“ и т. п. Всѣ эти и подобныя замѣчанія возможны въ томъ случаѣ, когда не имѣешь подъ собой почвы въ старославянскихъ памятникахъ и въ исторіи русскаго языка. Въ самомъ дѣлѣ: на стр. 163 авторъ говоритъ

---

[1]) Лескинъ Грамматика старославянскаго языка М. 1890 Стр. 63—64.

объ исчезновеніи самостоятельнаго склоненія бывшихъ основъ м. р. на *і*—: род. ед *огнѧ*—3 Цств. VII. 35. и проч., не упоминая о томъ, что это явленіе *для русскаго языка* уже не новое, извѣстное еще съ XIII—XIV в. (Соболевскій. Лекціи [2]. 158—9.). На стр 164 говорится о формахъ дат. п. ед ч въ родѣ *огневи* и проч.—Іезск. XV. 6., какъ будто этого еще не было въ самомъ стрсл. языкѣ. На стр. 165 говорится о формахъ въ родѣ *господей*—Псал. CXXXV. 3—род. мн. ч., тогда какъ такія формы тянутся по преданію въ церковныхъ книгахъ изъ самой глубокой старины. (См. напр Ягича Мар Ев. Стр. 53. 15—16, а также стр 435.). Срв. у автора также на стр. 167 о словахъ ж. р.: *заповѣдей*—род. мн ч.—М. V. 19.

На стр. 166 дѣлается заключеніе опять о „непалатальности“ согласныхъ *ж* и *ш*, „какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ“, по поводу формъ въ родѣ: ложѫ—Іоан VIII. 44. *„невозможныхъ въ старославянскомъ“*. А какъ бы авторъ посмотрѣлъ на формы мѫжѫ, нашѫ, вашѫ и друг., встрѣчаемыя часто въ Син. Псалтыри, въ Син. Требникѣ, въ Супр. ркп., въ Сав. книгѣ и друг.? Какое заключеніе здѣсь пришлось бы сдѣлать о звукахъ ж и ш?

На стр. 168 авторъ говоритъ объ окончаніи пред. п. мн. ч. на—ѣхъ, гдѣ ѣ= стрсл. ь. Но, вѣдь, и формы на—ѣхъ въ стрсл. языкѣ не рѣдкость: кѫсѣхъ—мѣстн. п. мн. ч. въ Мар. Ев. Стр. 197. 3. 16 и мн. друг. въ другихъ памятникахъ.

По поводу формъ лжѣ—вин. ед. ч. и лжѣхъ—мѣстн. мн. ч. и т. п. (Стр. 167. 169) замѣтимъ, что уже въ стрсл. языкѣ, надо думать, были двѣ параллельныхъ формы: лжь и лжа, какъ указываютъ намъ памятники; въ этихъ формахъ были оттѣнки значенія, но очень рано стали онѣ смѣшиваться.

По поводу склоненія именъ съ основой на согласный авторъ говоритъ на стр. 169: „У бывшихъ первичныхъ основъ м. р. на *n*—исчезъ почти совершенно древній именительный падежъ ед. ч. (какъ стрсл. камы), вмѣсто котораго находимъ *новѣйшее образованіе*“... пламень—2 Макк. I. 32 (*Такъ уже* въ Остр. и Первоп.), камень—Ис. V. 28.... Авторъ опять, очевидно, упустилъ изъ виду, что имен. падежи ед ч. камень, пламень, корень, ѥлень и проч. вовсе не представляютъ новѣйшаго образованія, т. к. встрѣчаются уже въ старославянскихъ памятникахъ, и имен. пад. ед. ч. камы, пламы сохранился преимущественно, хотя рядомъ съ камень, пламень, въ Супр. рукописи.

На стр. 177 авторъ, перечисляя формы род. п. ед. ч. отъ именъ съ основою на *r*—, не подозрѣваетъ, что форма матере не только старославянская, но и *древне-русская*: мы ее находимъ даже въ *позднихъ* грамотахъ XVI вѣка. Такъ, въ грамотѣ 1573 года (Акты Калачева. II. 669) мы читаемъ: матере—род. ед. числа. Современныя намъ формы народнаго говора: свою до́чиря (Р. Ф. В. 1881. № I. 262), напр., въ Курской губ., Щигр. у., а равно и формы въ родѣ дочеря́ для вин. п. ед числа—или—матеря́ (Даль. Словарь s. v. мать) должны быть возводимы къ формамъ вин. ед. ч —матере, дъчере, которыя, надо думать, были извѣстны и русскому языку. Срв. у автора на той же страницѣ: „Въ Остр. имѣются еще стсл. формы в ед матере, дщере (Л. XII. 53)".

На стр. 179 авторъ указываетъ намъ, что *уже* въ Остр. Библіи имѣется род. п. ед. ч. тѣлъ при тѣлесе, но несомнѣнно автору извѣстно, что эти формы встрѣчаются *уже* въ старославянскихъ древнѣйшихъ памятникахъ: равно и твор. ед. некомъ извѣстенъ *уже* и въ Зогр. Евангеліи. (См. между прочимъ Лескина. Грам. стрсл яз § 48).

Точно такъ-же авторъ на стр. 182 приводитъ образецъ предложнаго падежа изъ печатныхъ цсл. книгъ—отроча́ти—М. II. 8, указывая только на стрсл. форму отрочате и какъ-будто не зная, что въ стрсл. языкѣ были извѣстны и формы въ родѣ отрочати—Мар. Ев. ibid. Стр. 4. 16—17.

Далѣе, переходя къ именамъ съ основой на *и*—, авторъ говоритъ на стр. 186: „Именительный падежъ сынъ (Л. I. 32 и т. д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на *о*—: стсл. сынъ". Когда же произошло это звуковое совпаденіе двухъ означенныхъ падежей по мнѣнію автора? Не было-ли уже этого совпаденія въ эпоху старославянскаго языка? Почему авторъ объ этомъ говоритъ, изслѣдуя языкъ печатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка? Равнымъ образомъ странно, что авторъ на той же страницѣ указываетъ намъ, что род. ед. ч. въ Остр. Библіи *уже* отъ слова сынъ встрѣчается сына, тогда какъ стрсл. формы, по мнѣнію автора, были сыноу, домоу... Такимъ образомъ можно подумать, что въ стрсл. языкѣ не было формъ род. п. ед. ч. сына, дома и т. п, и что эти формы въ цсл. печатныхъ книгахъ представляютъ опять *новообразованія*.

Далѣе. если род ед. ч. отъ именъ ж. р. съ основой на jā уже съ XI—XII вѣка извѣстенъ русскому языку съ окончаніемъ—*и*: земли, души и т п. (См. Соболевскаго. Лекціи [2]. 164), то не ясно-ли, что этотъ же род. падежъ встрѣтится и въ *болѣе позднихъ* памятникахъ, и въ цсл. печатныхъ книгахъ этотъ падежъ будетъ указывать *на русскій* элементъ въ нихъ, а не на церковно-славянскій, котораго разыскиваетъ авторъ въ цсл. печатныхъ книгахъ. Если же въ цсл. печатныхъ книгахъ мы встрѣтимъ формы ꙁемлѧ, дꙋшѧ и т. п., то это укажетъ намъ на *искусственную* архаизацію языка, а не на цсл. элементы *въ русскомъ* литературномъ языкѣ (См. у автора стр. 193). Подобныхъ примѣровъ, безъ которыхъ могъ бы обойтись авторъ, не увеличивая напрасно объема своей книги, можно массу указать въ сочиненіи г. Булича, и всѣ эти примѣры доказываютъ лишь искусственную поддѣлку подъ старый языкъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, намѣренно сохранявшихъ формы и правописаніе стараго времени. Сюда можно было бы отнести и формы род. ед. ч. въ родѣ „имене“ въ Новой Библіи и мн другое. Обозрѣвши это заразъ, т е. сказавши *вообще* о правописаніи нашихъ старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ, авторъ могъ бы скорѣе подойти къ вопросу, *обѣщанному* намъ въ заглавіи его книги и *не затронутому* въ разбираемомъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ 406 страницъ.

То-же можно сказать и о такихъ формахъ, какъ: госпожѣ—дат. ед. (стр. 194), въ темницѣ—предл. п ед. ч. (стр. 196), двцѣ—дв. ч. им. пад. (стр. 197), птицы, велмѫжи—им. п. мн. ч. (стр. 198) и т. п. Всѣ эти и подобныя формы встрѣчаются уже въ раннихъ памятникахъ русской письменности. Такъ, въ Минеѣ 1095 года мы имѣемъ: святѣй госпожѣ Богородицѣ—Запись. (Ягичъ. Минеи. Стр. 236). въ ветъсѣ одежѣ—ib. Стр. 93, дъвѣ пътицѣ—Ев. XII—XIII в. (Соболевскій. Лекціи [2]. 165), овьци—им. мн ч.—Паремейникъ 1271 г.—л. 216; птици—Ев 1354., велможи—Парем 1378 г. и мн. др. (Соболевскій. Лекціи [2]. 166. Срв. его-же Изслѣдованія въ области р. грамматики. Стр. 8—9).

На стр. 208 читаемъ:... „формы съ возстановленіемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ—ѣ составляютъ особенность новѣйшаго ц.-слав. языка“. Можетъ быть,

авторъ хотѣлъ сказать: особенность правописанія позднѣйшихъ цсл. книгъ? Эта особенность *въ языкѣ* во всякомъ случаѣ была извѣстна съ XI вѣка еще, вошла въ церковныя книги, затѣмъ искусственно и умышленно устранялась въ послѣднихъ, затѣмъ опять была введена въ печатныя книги послѣдней редакціи. Если даже и говорить здѣсь *о языкѣ*, то *о русскомъ*, который проникалъ въ цсл. книги. Хотя всетаки трудно согласиться съ точкой зрѣнія автора и считать цсл. языкъ нашихъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ языкомъ, имѣющимъ жизнь.. А эта точка зрѣнія необходимо предполагается, если говорить о языкѣ означенныхъ книгъ такъ, какъ это постоянно говоритъ въ своей книгѣ авторъ. Очевидно, что наши священники, діаконы и проч. духовныя лица произносили бы съ одинаковымъ равнодушіемъ и формы: въ смѣсѣ вм. въ смѣхѣ, въ прасѣ вм. въ прахѣ, на востоцѣ вм. на востокѣ и проч., еслибы только эти формы были приняты редакторами и справщиками текста св. книгъ, какъ приняты формы: мнози, бози, въ грѣсѣхъ, нози, въ ѡзыцѣхъ и самая форма „на востоцѣ“ (М. П. З.) и проч и проч., которыя уживаются и произносятся въ церкви рядомъ съ формами на—*ѣ*,-*кѣ*,-*хѣ*. Причемъ же тутъ языкъ? (О формахъ др. р. языка см. Соболевскаго. Лекціи [2] Стр 192).

На стр. 215 также читаемъ у автора о род. падежѣ мн. ч. на—*wвъ*, что это окончаніе „въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и *вызвано*, *очевидно*, *вліяніемъ русскаго языка*“. (Курсивъ нашъ). Вотъ это, именно, далеко не очевидно! Для того, чтобъ утверждать, что это окончаніе вызвано въ новѣйшее время вліяніемъ р. языка, надо бы было предварительно убѣдиться въ томъ, что *въ русскомъ языкѣ того времени*, которое соотвѣтствовало старымъ печатнымъ книгамъ (XVI—XVII в.), было *меньше* по количеству такихъ формъ. А для этого понадобились бы сложныя историческія справки въ *чисто русскихъ* памятникахъ, которыхъ авторъ не представляетъ; да и не высказываетъ насчетъ этого никакихъ своихъ соображеній и не приводитъ никакихъ данныхъ. Перечисленіе формъ род. падежа мн. ч. на—*wвъ* у автора занимаетъ четыре страницы (212—215); всѣ примѣры взяты изъ тѣхъ-же трехъ библій, но и въ нихъ мы видимъ слѣдующее: всего приведено 84 примѣра съ окончаніемъ—*wвъ*, изъ нихъ 42 примѣра, гдѣ въ Остр. Библіи и въ Первопечатной

находится или *другой текстъ*, или *другой падежъ*; слѣдовательно, надо взять только остальные 42 примѣра, изъ которыхъ *въ 29 случаяхъ* мы имѣемъ и въ Остр. Библіи и въ Первопечатной (или только въ одной изъ нихъ) также формы на—*овъ*. Отсюда само собой ясно, насколько правильно заключеніе автора объ этомъ окончаніи, какъ о явленіи новѣйшаго времени и какъ о явленіи, вызванномъ вліяніемъ русскаго языка. Очевидно, что мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что въ XVI—XVII вѣкѣ живой русскій языкъ потому оказалъ не столь замѣтное вліяніе на формы цсл. печатныхъ книгъ, что не имѣлъ въ своемъ употребленіи такого количества формъ на—*овъ*, какое имѣетъ нынѣ. А если и есть для такого утвержденія какое-нибудь основаніе, то оно во всякомъ случаѣ лежитъ *не въ печатныхъ цсл. библіяхъ*.

Также неубѣдительны заключенія автора объ окончаніи твор п. мн. ч. именъ съ основою на—*о*—:—ами (Стр. 219—220). Приведено 37 случаевъ окончанія—ами; изъ этихъ 37 примѣровъ—27 такихъ, которымъ соотвѣтствуетъ въ Остр. Библіи и въ Первопечатной или *другой текстъ*, или *другой падежъ*; слѣдовательно, могутъ имѣть значеніе въ данномъ случаѣ только 10 примѣровъ. При этомъ на стр. 218 говорится, что „исконныя формы первичныхъ основъ на *о*—сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ“. Заключеніе-же слѣдующее (Стр. 220): „Такимъ образомъ, окончаніе—*ами*, ... должно быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время“ Если мы къ этому присоединимъ еще то, что и въ Остр. Библіи и въ Первопечатной формы на—*ами* встрѣчаются тоже, хотя рѣдко (стр. 220), то увидимъ, насколько заключеніе автора соотвѣтствуетъ приведеннымъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если *въ большей части случаевъ* (стр. 218) удержалось старое окончаніе *тоже русское—ы(—и)* и вмѣстѣ *старославянское*, а *въ меньшей части случаевъ* замѣнилось болѣе новымъ окончаніемъ—*ами*, тогда какъ въ живомъ языкѣ этого времени (XVI—XVII ст. и нашего времени) уже, конечно, старыя формы вышли изъ употребленія (или оставались въ рѣдкихъ случаяхъ), то какое-же это *вліяніе* русскаго живого языка? Или *какого* русскаго языка, т. е. языка *какого времени*, вліяніе усматриваетъ здѣсь авторъ? Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія

въ томъ, что формы на—*ами* твор. п. мн. ч. разсматриваемыхъ именъ попали изъ русскаго живого языка въ церковныя книги, но попали не вслѣдствіе вліянія, аналогичнаго тому, которое замѣчается нами и въ древнѣйшихъ рукописяхъ—спискахъ съ цсл. оригиналовъ, т к. въ такомъ случаѣ замѣчалось-бы прогрессирующее обнаруженіе этого вліянія въ книгахъ, между тѣмъ какъ этого мы не можемъ сказать про окончаніе—*ами* (см. у автора стр 218), какъ не могли сказать и про другія формы, извѣстныя живому русскому языку, но неизвѣстныя или мало извѣстныя церковнымъ книгамъ. Ясное дѣло, что, еслибы *вліяніе* р. языка отражалось *помимо воли* справщиковъ и печатниковъ, помимо воли грамматистовъ прежняго времени, то оно выразилось бы въ видѣ, подобномъ виду вліянія (или, лучше сказать,—виду русскаго элемента, русской стихіи) русской живой рѣчи въ грамотахъ, юридическихъ актахъ всякаго рода и т. п. Здѣсь, въ церковныхъ книгахъ, если и стремилось проникнуть русское начало, то задерживалось въ силу желанія сохранить древнюю букву и форму, а потому (опять скажемъ) изслѣдованіе печатныхъ цсл книгъ даетъ скорѣе въ результатѣ выводъ *о русскихъ* элементахъ въ цсл. книгахъ, чѣмъ о *церковно-славянскихъ* элементахъ въ русскомъ языкѣ. Словомъ, *выборъ матеріала* для изслѣдованія цсл. элементовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ мы считаемъ у автора совершенно *случайнымъ* и *неудачнымъ* для выполненія его задачи, поставленной въ заглавіи книги.

Напрасно также авторъ на стр. 227 старается сблизить постановку—ъ вм.—ь въ печатныхъ цсл. книгахъ въ такихъ словахъ, какъ—ножъ и проч., съ утратой палатальности нѣкоторыхъ согласныхъ *въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ.* Мы видѣли выше, что—ъ стоитъ въ цсл. книгахъ и послѣ—щ, а, съ другой стороны,—ь не всегда свидѣтельствуетъ о палатальности предшествующаго согласнаго. Такъ, написанія слѣпець и проч. въ Остр. Библіи не отвѣчаетъ живому произношенію звука *ц* въ русскомъ языкѣ XVI—XVII вѣка или должно быть признано діалектическимъ признакомъ, на каковое признаніе мы не имѣемъ достаточныхъ основаній въ языкѣ самой Остр. Библіи (срв. вѣнецъ—I. Сир. XXV. 8 и проч. выше). Срв. также Соболевскаго. Лекціи [2]. стр. 118 и слѣд.

Вообще, матеріалъ, выбранный авторомъ для выполненія намѣченной имъ задачи, даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Вопросъ о палатальности согласныхъ по написаніямъ въ цсл. печатныхъ книгахъ—вопросъ, совершенно не подвинутый впередъ нашимъ авторомъ. Качество самаго матеріала виною тому, что авторъ приходитъ къ *разнымъ* заключеніямъ на разныхъ страницахъ своей книги относительно одного и того-же предмета; такъ, на стр. 234 читаемъ: „Написанія съ—ѕ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этими послѣдними“. На стр. же 232 авторъ отрицаетъ, чтобы написанія въ родѣ: отци и т. п.—указывали на палатальность предшествующаго *ц*. Если—ѕ послѣ *ц* указываетъ на твердость *ц*: младенецѣ, то—*и* послѣ *ц* указываетъ на мягкость *ц*: чванци, а—*и* послѣ ж—на мягкость ж: матежи (стр. 232): *ы*—же послѣ ж на его твердость: мѫжы—ib. 232. То-же можно сказать о *ш*, о *щ*—см. выше.

Отсутствіе исторической и діалектической почвы у нашего автора привело его на стр. 236 къ совершенно ошибочному выводу: „Послѣ *ц*, утратившаго палатальность, имѣется въ Новой (Библіи) нерѣдко *о* (ѡ), *которое*, *однако*, *нельзя разсматривать*, *какъ происшедшее изъ* є (ср. русск. веду, вёлъ) *въ виду случаевъ* въ родѣ пришѣлцѡвѣ и т. д., *гдѣ нѣтъ ударенія на* є. Появленіе *о* послѣ *ц*, замѣчаемое уже въ Остр. Библіи, объясняется морфологически“..... Здѣсь рѣчь идетъ, какъ видитъ читатель, объ окончаніи род. пад. мн. ч. именъ съ основою на jo—:—евѣ (—овѣ,—ѡвѣ послѣ непалатальнаго *ц*). Мы подчеркнули въ этомъ выводѣ автора тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи *о* послѣ *ц* въ окончаніи род. пад.—*овѣ*; вопросъ о происхожденіи звука *о* въ данномъ положеніи—вопросъ историческій, и на почвѣ исторіи русскаго языка онъ несомнѣнно долженъ рѣшаться въ пользу звука *о* изъ *е* послѣ мягкаго согласнаго, преимущественно передненебнаго. Авторъ могъ бы знать, что тутъ удареніе не при чемъ: современныя русскія нарѣчія показываютъ намъ, что *е* переходитъ въ *о* послѣ мягкой согласной вовсе *не вездѣ* въ положеніи этого *е* подъ удареніемъ; а исторія языка показываетъ намъ, что *е* переходило и прежде *не въ зависимости отъ ударенія*, и что законъ о вліяніи ударенія въ данномъ случаѣ позднѣе закона объ измѣненіи этого *е* въ *о послѣ мягкихъ согласныхъ*. Срв. Новг. грамота 1373 г.—Новгородцовъ и мн. др. (Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. № 17). Срв. особенно у Ягича.

Критич. Замѣтки. 38. 39. Для современныхъ р. говоровъ мы имѣемъ, напр., произношенія: сы́мёшъ, бу́дётъ, во́ётъ, веду́, сёло́ въ свр. нарѣчіи и мн. др. Въ др. р. языкѣ грамотъ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ: по всемъ *нашомъ* роду—Грам. 1462—1470 г.; а въ грамотѣ *пишотъ*—Грам. до 1472 г., *Соболова* деревня—та-же грамота; отца *нашого*—ib.; подъ Старымъ *Селищомъ*—ib.; въ *купчой*—ib.; *товарищовъ*—род.—вин. мн. ч.—Грам. 1490—1494 г. и т. п. (См Собраніе ист—юр. актовъ И. Д. Бѣляева. Д. Лебедева. М. 1881. №№ 11, 13, 15). Что-же касается шипящихъ ж, ч, ш, щ, и свистящихъ з, ц, то они ко времени 1581 года, когда издана Остр. Библія, надо думать, отвердѣли на очень большомъ пространствѣ русскаго языка: процессъ начался, можно сказать, съ XII вѣка. Если же авторъ при своемъ выводѣ имѣлъ въ виду искусственно построенныя формы *только печатныхъ* цсл. книгъ, то объ этомъ надо было ему сказать, и тогда вопросъ сведется опять-таки къ искусственности языка цсл. печатныхъ богослужебныхъ книгъ, и вновь выступитъ вопросъ о непригодности матеріала. заключающагося въ означенныхъ книгахъ (библіяхъ), для изслѣдованія цсл. элементовъ въ русскомъ языкѣ.

Такъ какъ вопросъ о палатальности и непалатальности шипящихъ звуковъ поднимается у автора нѣсколько разъ, при разборѣ склоненія каждой части рѣчи, и самъ авторъ приводитъ примѣры, которые не поддаются объясненію посредствомъ вліянія живого р. языка на языкъ цсл. книгъ, то мы не будемъ уже возвращаться къ этимъ звукамъ и укажемъ только на страницы, гдѣ можно найти у автора объ этихъ звукахъ; см. стр. 238, 242, 243, 275, 293, 294, 295, 297, 298, 299, 301, 302. Авторъ самъ затрудняется (стр. 298) подыскать объясненіе буквѣ *ы* послѣ *щ*, ссылаясь то на орѳографическое правило, то на графическую (морфологическую) ассимиляцію. Однако странно, что авторъ не обратилъ достаточнаго вниманія на то, что, ставъ на его точку зрѣнія, мы должны признать одно написаніе въ цсл. книгахъ имѣющимъ основаніе *въ языкѣ*, другое не имѣющимъ; на одни случаи распространилась графическая ассимиляція, на другіе—нѣтъ. Не надо забывать, что дѣло идетъ о такомъ времени, когда возможна уже была *извѣстная система* правописанія; однако даже въ Библіи изд. 1879 года та-же искусственность, что и въ старопечатныхъ книгахъ....

Въ области именъ прилагательныхъ авторъ напрасно приводитъ такія формы старославянскаго языка, которыя встрѣчаются сравнительно рѣдко и не могутъ служить *обыкновенными* представителями стрсл. склоненія членныхъ прилагательныхъ. (Напр., новлѥго—289, новоуѥмоу—ib ; новѣѥмь—290 *).

Въ отдѣлѣ именъ числительныхъ также выступаетъ наружу неудобство ссылокъ на печатныя библіи XVI—XVII вѣка, какъ памятники, подпавшіе вліянію русскихъ формъ, ибо въ этихъ библіяхъ означенное вліяніе не такъ замѣтно, какъ въ памятникахъ рукописныхъ и болѣе раннихъ. Напр , авторъ

---

*) Слѣдовало обратить вниманіе при обзорѣ именъ прилагательныхъ на то, въ какихъ сочетаніяхъ извѣстенъ печатнымъ библіямъ звательный падежъ ед. числа м. р. на є: употребляется-ли это окончаніе для зват. падежа отъ именъ прилагательныхъ въ положеніи послѣднихъ *при* существительныхъ, или *безъ* нихъ, въ самостоятельномъ употребленіи Авторъ ничего по этому поводу не говоритъ, а только перечисляетъ шесть примѣровъ (стр. 247): го́рде—Іерем. L 31, си́льне—Пс. XLIV 6, равнодꙋ́шне—Пс. LIV. 14, сте—М Смотр л. 133 об, блже—ib. л. 135., ни́ще—л. 137, причемъ, какъ видитъ читатель, три послѣдніе примѣра взяты изъ грамматики Смотрицкаго Между тѣмъ эти всѣ примѣры слѣдовало бы выписать изъ Библіи въ сочетаніи ихъ съ другими словами; можетъ быть, болѣе подробное обозрѣніе относящихся сюда случаевъ употребленія зват падежа на—є привело бы къ какимъ-нибудь интереснымъ выводомъ. Авторъ удовольствовался *тремя* примѣрами изъ Библіи и поставилъ: «и т. д» (стр 247). Эти три примѣра употреблены въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: на тѧ́ го́рде; стрѣ́лы твоѧ́ изѡщре́ны си́льне; человѣ́че равнодꙋ́шне. Еще мы имѣемъ: безꙋ́мне—Лук. XII 20. Но: ра́бе блгі́й и вѣ́рный—М XXV 21. 23. (2 раза); въ этомъ случаѣ въ Остром. Евангеліи стоитъ вѣ́рьне. Ѿ ро́де невѣ́рный—М XVII 17. Ѿ ро́де невѣ́ренъ—Мрк. IX. 19. Въ этомъ случаѣ въ Остром Ев. мы имѣемъ то-же́ самое Изъ этихъ примѣровъ видно слѣдующее: 1) что зват п. на—є въ прилагательныхъ употребляется въ Новой Библіи только тогда, когда прилаг. стоитъ *безъ* существительнаго; 2) что есть отличіе въ этомъ отношеніи отъ Остромирова Ев. при прилагательномъ *полной* формы; 3) что одинъ примѣръ на—є въ зват. п. имени прилагательнаго *при* существ. мы имѣемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ: Пс. LIV. 14. Конечно, еслибы выбрать изъ Библіи *всѣ* случаи, то выводы могли бы измѣниться. Мы это сдѣлали только для примѣра.

пишетъ: „Уклоненіе (отъ стрсл) представляютъ количественныя съ 11 до 19, подпавшія уподобляющему вліянію соотвѣтствующихъ русскихъ формъ. Вмѣсто стсл. дѣва на десате и т. д. находимъ двана́десать и т. д., какъ *двѣнадцать*, хотя изрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ окана́десате"... (Стр. 305) Между тѣмъ мы находимъ уже въ старыхъ рукописныхъ св. книгахъ болѣе русскую и близкую къ современному языку форму, напр.: въ Поликарп. Ев. 1307 г. л. 33 мы читаемъ: заповѣдала wкѣма на дѣцать оучнкома своима и др. Слѣд., мы опять имѣемъ примѣръ того, что старопечатныя книги явились съ своимъ искусственно книжнымъ языкомъ, останавливающимъ развитіе живого и народнаго элемента въ литературномъ языкѣ. Такимъ образомъ, сравнительная непригодность выбраннаго авторомъ матеріала для его цѣлей выступаетъ наружу въ очень многихъ случаяхъ.

Трудно согласиться съ авторомъ, что въ написаніяхъ Новой Библіи четыре для им. п. ж. и ср. р. при четыри, между тѣмъ какъ въ Остр. и Первоп. б. находятся или цыфры, или правильныя формы, слѣдуетъ видѣть вліяніе русскаго, гдѣ—і и—œ въ слогѣ послѣ ударенаго звучатъ одинаково неопредѣленно (стр. 307) Еслибы корректоры Новой Библіи допускали въ такой степени вліяніе русскаго произношенія въ св. книги, то это оказалось бы не въ единичныхъ случаяхъ и болѣе послѣдовательно, а главное,—по отношенію къ формѣ четыре это вліяніе произношенія должно бы ожидаться скорѣе въ Остр. Библіи: мы здѣсь имѣли бы и для муж. р. четыри, т. к. въ мѣстности изданія Остр. Библіи говорили уже тогда такъ. Срв. въ совр. бѣлор. бобруйск. *чатыри*, въ Полоцк. Грам. 1478 г. четыриста и проч. (Востоковъ. Оп. ркп. Рум. Муз. № XLV. л. 54). Но, по заявленію автора, въ Остр. Библіи мы находимъ правильную форму; въ Новой же Библіи эти неправильныя формы *при правильныхъ* должны объясняться невыдержанностью системы правописанія, принятой при изданіи св. книгъ.

Лучше другихъ отдѣловъ намъ показался отдѣлъ мѣстоименій у автора, т. к. въ немъ представленъ полный и обстоятельный перечень мѣстоименныхъ формъ безъ заглядываній въ исторію языка и въ его діалектологію.

На стр. 310 авторъ говоритъ о глаголѣ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что авторъ находитъ

уже въ Остр. Библіи отвердѣвшее окончаніе 1-го лица ед. числа глаголовъ—мъ. Мы имѣемъ это окончаніе въ русскомъ языкѣ *уже* въ XII—XIII в.: въ Милят. Ев. 1215 г. читаемъ: дамъ, прѣдамъ, въздамъ и др., да и ранѣе этого.

Но какъ только опять пускается авторъ въ діалектологію, то выходитъ очень плохо: на стр. 311 авторъ говоритъ: „стрсл.—тъ должно было дать въ цслав.—тъ, которое мы и находимъ почти во всѣхъ случаяхъ (*въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы-есть*)". Ужъ не говоря о томъ, что стрсл. *діалектическое* должно быть признано и—ть для 3-го лица, не только—тъ, какъ указалъ авторъ; но суть то въ томъ, что въ русскомъ яз далеко *не вездѣ* слышно окончаніе—тъ. А куда же авторъ дѣлъ *почти весь* южновеликорусскій говоръ (за исключеніемъ московскаго), часть бѣлорусскаго и малорусскаго? Кромѣ того, выраженіе: „Богъ вѣсть" въ народѣ едвали можетъ быть признано прямо заимствованіемъ изъ цсл. языка. Слѣдовательно, объ *одномъ* „есть" говорить неудобно *)

Далѣе (стр 311) у автора читаемъ: „Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензіи, которому свойственно окончаніе 3-го л.—ть, мы не можемъ считать современное цслав.—тъ прямымъ продолжателемъ стсл.—тъ" [1]). Такимъ образомъ, и послѣ того, что высказано авторомъ на стр. 311 объ окончаніи—тъ, остается *открытымъ* вопросъ о томъ, въ какомъ-же отношеніи это—тъ цславянскаго языка печатныхъ книгъ находится къ живому русскому языку.

На стр 314 авторъ разсуждаетъ о 2-мъ лицѣ множ. числа глаголовъ наст. времени, объ окончаніи—те, и дѣлаетъ такое заключеніе: „Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, *тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.*" (Курсивъ нашъ.). Здѣсь опять

*) См Соболевскаго. Очеркъ р. діалектологіи. Живая Старина. Вып. III. 1892. Стр 6 Также Тихвинскаго. Ярославскій говоръ. Р. Ф. В. 1890 г. № III. 58 и слѣд.

[1]) Замѣтимъ, что авторъ въ данномъ мѣстѣ, наконецъ, указываетъ мимоходомъ на то, въ какомъ отношеніи находится языкъ цсл печатныхъ книгъ къ языку старославянскому; но, не смотря на это, *все ищетъ по цсл. печатнымъ книгамъ въ современномъ русскомъ литературномъ и народномъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ*

мы видимъ у автора неопредѣленность выраженія, обусловленную неопредѣленностью и шаткостью самихъ основаній, на которыхъ стоитъ самъ авторъ, или, лучше сказать, видимъ то-же отсутствіе какихъ-либо основаній, то-же смѣшеніе народнаго и литературнаго русскаго языка, какое мы видѣли и раньше во всей его работѣ. Гдѣ въ русскомъ языкѣ сохранилось окончаніе—тє безъ измѣненія? На письмѣ? Въ орѳографіи? Если авторъ имѣетъ въ виду принятую условно орѳографію, то въ данномъ случаѣ она не есть выраженіе живого языка и его звуковъ, а, слѣдовательно, и не дозволяетъ дѣлать заключеніе о *живомъ* языкѣ, о его звукахъ, а лишь указываетъ намъ на то, что и по отношенію къ цсл. печатнымъ книгамъ мы должны въ данномъ случаѣ оставаться съ своими заключеніями въ предѣлахъ орѳографіи, письма, а не языка, какъ на это же указывала и раньше намъ орѳографія цсл. печатныхъ книгъ. Если же авторъ разумѣетъ *языкъ* русскій, а *не письмо*, то онъ заблуждается: окончаніе—тє въ русскомъ языкѣ *не сохранилось* безъ измѣненія относительно своего гласнаго элемента ни въ литературномъ, ни въ народномъ: въ послѣднемъ мы имѣемъ на мѣстѣ орѳографическаго—є, смотря по парѣчіямъ и говорамъ, звуки: 'а (я), e^i, 'о (е) и ихъ оттѣнки,—это въ одномъ великорусскомъ нарѣчіи, не говоря уже про малорусское и бѣлорусское. (Срв., напр., въ Библіи 1499 г.—*приносита*—2 л. мн. ч.—Буслаевъ. Ист. Хр. Стр 167. Срв также то, что было сказано нами по поводу стр. 307 объ окончаніи „и“ въ словѣ четыри. Вѣдь, и здѣсь *на письмѣ* въ р. орѳографіи сохранилось—є: „четыре.“).

О 3-мъ лицѣ множ. ч.—тъ (стр. 314—315) можно сказать то-же, что о 3-мъ л. ед. ч. Надо вообще удивляться автору, съ какою настойчивостью онъ ищетъ въ цсл. печатныхъ книгахъ живыхъ элементовъ языка, и какъ его не останавливаютъ въ его поискахъ даже завѣдомо искусственныя и условныя формы церковнаго книжнаго языка. Это мы видѣли въ теченіе всей его работы, это-же мы видимъ и на стр 344—345, гдѣ авторъ говоритъ о формахъ краткаго причастія наст. вр. страд. залога въ им. п. ед. ч. м. р. на—мь (крыемь, хвалимь и проч.) вм. стрсл.—мъ и русскаго—мъ. Если на окончаніе—мъ, по мнѣнію автора, (стр. 345), повліяли современныя русскія формы, то что-же повліяло на окончаніе—мь въ цсл. печатныхъ книгахъ? Какъ-же это—мь

относится къ живому языку? (Сравни то, что́ было сказано авторомъ относительно отвердѣнія губныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ на стр. 139 и 161).

На 349 стр. авторъ находитъ объясненіе этому окончанію—мь въ причастіяхъ наст. вр страдат. залога Новой и Первопечатной Библій и говоритъ: „Источникомъ этого—мь могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода“... Но авторъ при этомъ не поясняетъ, какъ могли вліять памятники болгарскаго или сербскаго извода на *Новую* и *Первопечатную* Библіи для русскихъ. Кромѣ того, если издателями руководило желаніе *дифференцировать на письмѣ* такія формы, какъ 1 л. мн. ч. чита́емъ (изъяв. н) и чита́емъ (причастіе н вр. стр. з.), то это и показываетъ всю *искусственность* орѳографіи цсл. печатныхъ книгъ, не находящей себѣ основанія въ живомъ языкѣ Далѣе, хотя это послѣднее объясненіе автора (=желаніе дифференцировать на письмѣ одинаковыя въ звуковомъ отношеніи формы) и вѣроятно и даже, можно сказать, правильное, но и оно находитъ для себя противорѣчіе въ такихъ формахъ, какъ: ключи́мъ, принꙋжда́емъ, ѡ҆держи́мъ и др. въ *Новой*-же Библіи. (Стр 345 и 349)

На такое-же искусственное поддѣлываніе языка новыхъ цсл. печатныхъ книгъ подъ языкъ старославянскихъ текстовъ указываетъ и отсутствіе въ Новой и Первопечатной Библіяхъ формъ imperfect'а на—хꙋть,—хоуть, формъ, которыя изрѣдка еще встрѣчаются въ Остр. Библіи. (Стр. 363). А подобныя формы, какъ ѹ҆ме́рый (3 Царствъ III. 22) при формѣ ѹ҆ме́ршїй (3 Царствъ. III 23.), стоящія въ двухъ рядомъ находящихся стихахъ одной и той-же главы? Какъ каждая изъ нихъ относится къ живому языку? (Стр. 374—375).

Сравненіе текста Новой Библіи съ текстомъ Острожской приводитъ къ такому же заключенію объ искусственности языка Новой Библіи и по отношенію къ формамъ описательнымъ, перифрастическимъ и сложнымъ. (Стр. 385). Если опущеніе вспомогательнаго глагога извѣстно русскому языку съ XI—XII вѣка, то въ XVI—XVII вѣкѣ русскій языкъ не представляетъ въ этомъ отношеніи интереса съ точки зрѣнія исторіи языка, а церковнославянскій языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ и подавно, т. к. и въ этомъ отношеніи является искусственнымъ, въ который вводятся вновь формы,

давно отжившія въ живомъ языкѣ. Слѣдовательно, говорить о томъ при разборѣ цсл. печатныхъ книгъ XVI—XVII вѣка, а равно и Новой Библіи, что̀ было извѣстно уже съ XI—XII вѣка, представляется излишнимъ, если имѣть въ виду живой языкъ. Здѣсь авторъ (стр. 385. 387) почувствовалъ необходимость сослаться на исторію р. языка, какъ бы имѣя въ головѣ мысли, подобныя только что высказаннымъ нами, но раньше этого авторъ не дѣлалъ или заглядывалъ въ исторію р. языка не кстати и неудачно.

И отсутствіе формъ на—лъ съ формой кѫдѫ (будущее совершенное) въ Новой Библіи указываетъ на искусственное отношеніе справщиковъ къ языку въ нашихъ цсл. книгахъ. (Стр. 390.). Срв. также такія формы Новой Библіи, какъ: наскочи́хъ кыхъ—Іов. XVI. 4. и друг. Какъ такія формы относятся къ живому языку? Равно и формы неопр. наклоненія на—ти при отсутствіи формъ на—ть въ Новой-же Библіи. (Стр. 393 и 398). Наконецъ, на послѣдней страницѣ, на 399-ой, авторъ замѣчаетъ, что онъ находитъ „вполнѣ естественнымъ“ то, что ни у Л. Зизанія, ни у М. Смотрицкаго не встрѣчается формъ супина, естественно это потому, какъ говоритъ авторъ, что супинъ рано исчезъ и въ русскомъ языкѣ. Удивительно, какъ-же это авторъ *признаетъ* отсутствіе супина *естественнымъ* и для Острожской Библіи, и для грамматикъ вышеназванныхъ авторовъ на основаніи свидѣтельства живого языка и *не признаетъ не естественнымъ* присутствіе формъ неопр. наклоненія на—ти при отсутствіи таковыхъ-же формъ на—ть для того-же времени и для тѣхъ-же памятниковъ? Свидѣтельство живого языка и въ данномъ случаѣ должно имѣть, конечно, рѣшающее значеніе, если таковое значеніе ему совершенно правильно придалъ авторъ въ вопросѣ о супинѣ. Изъ всего приведеннаго выше можно съ достаточной ясностью видѣть, что выборъ матеріала сдѣланъ авторомъ неудачно, и на этомъ мы особенно настаиваемъ, не смотря на тѣ мотивы, которыми авторъ хочетъ оправдать свой выборъ въ „Заключеніи“. Мы видѣли, что безъ историческаго очерка старославянскаго языка на русской почвѣ съ древнѣйшихъ временъ невозможно слѣдить за русскими элементами въ церковнославянскомъ языкѣ; безъ сравнительнаго обзора звуковъ и формъ оригинальныхъ русскихъ памятниковъ съ

звуками и формами памятниковъ, списанныхъ въ Россіи съ южнославянскихъ оригиналовъ, нельзя имѣть подъ собой достаточно твердую почву для рѣшенія вопроса объ отношеніи языка русскихъ списковъ къ древнему живому русскому языку; равнымъ образомъ безъ глубокихъ свѣдѣній въ области современной русской діалектологіи нельзя съ достаточнымъ основаніемъ признавать языкъ Библій XVI—XIX вѣка типичнымъ *великорусскимъ*, а равно нельзя и отождествлять великорусскій типъ съ московскимъ. (Стр. 399 и слѣд. „Заключенія"). Упрекъ, пущенный авторомъ по адресу грамматики Классовскаго относительно формъ „не существующихъ" (стр. 402) можетъ относиться въ равной мѣрѣ и по отношенію къ языку самихъ Библій (особенно—Новой), въ которыхъ мы видѣли достаточное количество „не существующихъ" формъ.

На этомъ основаніи нельзя также совершенно отрицать вліяніе грамматикъ на орѳографію и языкъ цсл. печатныхъ книгъ. (Стр. 403.), Не отрицая измышленій М. Смотрицкаго въ его грамматикѣ [1]), мы всетаки должны обратить вниманіе на то, что авторъ *не доказалъ* этихъ измышленій, какъ таковыхъ, а равно не доказалъ невозможности вліянія грамматикъ (въ частности—грамматики Смотрицкаго) на формы языка цсл. печатныхъ книгъ. Нельзя не считаться съ тѣмъ фактомъ, что языкъ печатныхъ библій—языкъ разнаго времени въ разныхъ книгахъ, а иногда и языкъ разныхъ мѣстностей. У Горскаго и Невоструева въ „Описаніи" есть классическое изслѣдованіе языка позднѣйшихъ библій, и это изслѣдованіе помогло бы автору оріентироваться въ вопросѣ о языкѣ разбираемыхъ имъ библій. (См Горскаго и Невоструева. Описаніе ркп. Синод. б I. Стр. 19 20. 21. 25. 37. 39. 55, особенно 65. 73 88. 98 (объ Іереміи). 102. 107. 112. 123, также: 129. 144).

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу отдѣльныхъ словъ и формъ, встрѣчающихся въ книгѣ автора.

Едвали есть необходимость вспоминать о „карасѣ" при словѣ „карасинъ"—„керосинъ"? (стр. 35). Можетъ быть, въ данномъ случаѣ возможно было бы объясненіе народнаго „карасинъ" и на почвѣ фонетическаго свойства задненебныхъ

[1]) См у Булича стр 164. 177—9. 180. 188. 209. 231. 232. 233. 253. 256. 269 270. 276 304. 334 344. 372 380. 384. 385. 396.

звуковъ? Срв. Гарасимъ вм. Герасимъ, Хавронья вм. Хевронья (=Февронья), Хавраль вм. Хевраль (=Февраль), Горонтій—Грамота 1447—1453 г. (Лебедевъ ibid. № 6), срв. здѣсь же—Геронтій; срв. также народное: енара̀лъ, анара̀лъ (чрезъ *у*анаралъ) вм генералъ и друг. Напрасно также, мнѣ кажется, авторъ утверждаетъ на стр. 35, что „въ основѣ словъ: докома́нно, доко́монно, докома́нный (у автора безъ ударенiй) *очевидно* лежитъ иностранное слово—документъ“... Думаемъ, что слово „докома́нно“ и под. могло скорѣе образоваться изъ смѣшенiя исконно-русскаго слова „доко́нъ“, „доко́нный“ со словомъ „притома́нный“, тоже русскимъ. Въ ювр. нарѣчiи (Ряз. Мих.) извѣстно слово „прито́мъ“ со значенiемъ—*подлинно, точно*; отсюда—прил. „прито́мный“, означающее „свидѣтель“, „очевидецъ“, „кто былъ *при томъ*, о чемъ рѣчь идетъ“. Даль въ Словарѣ приводитъ выраженiя: „Допросить *притомныхъ*“, „Споровалась правда съ кривдой, да *притомныхъ* не стало“. Отсюда—*притома́нный*=истинный, подлинный, настоящiй, извѣстное въ ряз. тмб. тул. мск. влд. твр. влгд. говорахъ. Нарѣчiе: „притома́нно“: „*Притоманно* не знаю, а верстъ десять надо быть“ (Влад. ворон. кур. мск. перм. ряз. (раненб.) сарат. тмб. твр. тул.—говоры). Теперь: такъ какъ *доко́нный* и *притома́нный*, какъ видно, были синонимы, то и, естественно, могло образоваться слово „докоманный“ (тмб.) съ тѣмъ же значенiемъ Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что „докома́нно“ и проч. превращается въ „доко́нно“ подъ вліянiемъ „доко́нъ“ (стр. 35), т. к. это два разныя слова, и ни одно изъ нихъ въ другое не превращается: слово „доко́нъ“ уже въ XIII—XIV вѣкѣ, уже въ древне-русскомъ языкѣ должно было означать „уговоръ“, т. к. слово „докончати“ извѣстно постоянно въ грамотахъ со значенiемъ „уговориться“. Двин. грамота 1294 г.: Како есмь докончалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море“. „Мьстиславъ же и Володимеръ и Юрьи доконцаша съ горожаны тако“.—Ипат. лѣт. подъ 1277 г. и т. п. Также: „Докончальная грамота“=договорная и друг. Слово „притома́нный“ вмѣсто и при „прито́мный“ могло образоваться въ свою очередь подъ вліянiемъ аналогичныхъ образованiй, какъ: „желанный“, „обманный“, „разливанный“ и т. п.

Непонятно, почему авторъ пишетъ суффиксъ-тей (*τευς*) и слово „грамотей“, а также слово „богатей“ черезъ ѣ:—тѣй,

грамотѣй, богатѣй. (Стр. 46). См. Акад. Словарь s. v. v. См. также Грота. Фил. Раз 1876 г. II. 311—312.

Что касается русскихъ фамилій на—аго, то они, именно, указываютъ на заимствованіе изъ старославянскаго языка черезъ церковно-русскую письменность; никакое другое объясненіе немыслимо, и, насколько намъ извѣстно, такихъ русскихъ говоровъ, которые бы сохранили въ чистотѣ это окончаніе—аго въ родит. падежѣ именъ прилагательныхъ, нѣтъ, а потому и заимствованіе изъ нихъ этой формы быть не могло (Стр. 48). Окончаніе—аго въ фамиліяхъ является только *подъ ударенiемъ*, которое указываетъ на стяженіе, скрывающееся въ этомъ гласномъ—а. Въ современномъ же литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ прилагательныя съ ударяемымъ окончаніемъ имѣютъ въ род. ед. ч.—ого, а не—аго; при этотъ неударяемое—аго^{a} (аγо^{a}) является въ акающихъ говорахъ при ударяемомъ—ого^{a} (—оγо^{a}); звукъ *г* въ этихъ окончаніяхъ звучитъ или какъ *в*, или какъ γ, рѣже какъ *г*, смотря по говорамъ. Въ окающихъ говорахъ окончаніе (орѳографическое) неударямое—аго звучитъ обыкновенно, какъ—ово. Напр., чужóго^{a}, чужóγо^{a}, чужóво^{a}; дóбрагo^{a}, дóбраγо^{a}, дóбравo^{a}, дóброво. Весьма вѣроятно, что фамиліи, какъ „Мертвáго“ пріурочились къ такимъ образованіямъ, какъ „Живáго“, гдѣ удареніе на окончаніи было исконное, а такія имена, какъ: „Хитровó“ и под., можетъ быть, обязаны своимъ образованіемъ аналогіи съ род. пад. мѣстоименій: одногó, самогó, тогó и друг. Въ подтвержденіе сказаннаго относительно окончанія – аго можно еще указать на то, что это окончаніе—аго *въ русскомъ языкѣ* историческаго періода его жизни не встрѣчается, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть доказано чисто-русскими памятниками, а потому весьма естественно, что этого окончанія и теперь нѣтъ въ говорахъ русскаго языка. (Срв. Соболевскаго. Лекціи.[2] Стр. 136).

Оставляя въ сторонѣ другія неточности и не совсѣмъ правильныя указанія автора относительно русскихъ народныхъ формъ, скажемъ еще только о томъ, что извѣстную Псалтырь 1296 г. по даннымъ языка вѣрнѣе считать памятникомъ западно-русскимъ, чѣмъ новгородскимъ. (Стр. 153. Срв. Соболевскаго Лекціи.[2] Стр. 15. 39. Также „Матеріалы“ Буслаева и его-же Ист. Христоматію, гдѣ можно видѣть особенности языка).

Во всякомъ случаѣ книга г. Булича свидѣтельствуетъ о его трудолюбіи и добрыхъ желаніяхъ, но мы думаемъ, что его серьезная и интересная задача—изслѣдованіе цсл. элементовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ—была бы выполнена совсѣмъ иначе, еслибы онъ взялъ для обработки другой матеріалъ, правда, болѣе обширный и отвѣтственный, но зато и болѣе благодарный, чѣмъ цсл печатныя библіи, о языкѣ которыхъ можно было бы въ интересахъ непосредственной задачи изслѣдованія сказать гораздо менѣе, чѣмъ это сдѣлано авторомъ теперь. На основаніи этой книги г. Булича еще положительно нельзя считать вопросъ о заимствованіяхъ изъ цсл. языка въ русскій подвинутымъ, нельзя считать даже начатымъ... Пожелаемъ автору, чтобы матеріалъ, собранный въ этой книгѣ авторомъ, полностью пригодился ему при дальнѣйшихъ его изысканіяхъ въ области намѣченной имъ темы.

Е. Будде.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР